

Заповеди на практике

ВУ
А. Л. О. Е.
1887

Оглавление

1. Два сына
2. Заключение и освобождение
3. Возвращение матери
4. Друг в нужде
5. Запретная зона
6. Тучи и солнышко
7. Эпидемия
8. Зелёное бархатное платье
9. Ложные друзья
10. Смелость и искренность
11. Решение моряка
12. Цыгане
13. Друг в нужде
14. Старый бедняк
15. Красивая усадьба

Глава I.

Два сына

«Мудрый сын радует отца, а глупый человек пренебрегает мать свою».
(Прит.15:20)

Было ясное, холодное декабрьское утро. На небе не было ни облачка. Ярко светило солнце, золотя длинные сосульки, свисавшие с карнизов. Оно поблёскивало на замёрзшей поверхности озера, словно стараясь растопить его своей доброй улыбкой. Но холод был слишком сильным, лёд не таял, и ни одна капелька-слезинка не свисала с блестящих сосуллек. Увы! В жизни мы иногда встречаем сердца ещё более холодные и жестокие, что даже доброта не может их растопить!

Много людей каталось по озеру на коньках. Временами они двигались вперёд со скоростью ветра, затем делая изящные изгибы вправо или влево оставляли своеобразные рисунки на льду. На озере было много мальчиков, которые тоже веселились, хотя и по—другому. Они скользили по гладкой поверхности и оглашали воздух звоном своего весёлого смеха.

Одним из самых весёлых из них был розовощёкий мальчик, который выглядел так, как будто забота или печаль никогда не касались его жизни. Он только что совершил очень длинную пробежку и стоял, покрасневшись от упражнения. Он наблюдал, как его товарищи следуют за ним по блестящей полосе. Неожиданно доктор Мертон, совершавший утреннюю прогулку и пришедший на озеро посмотреть катание на коньках, слегка коснулся плеча мальчика.

- Павел, твоей маме сегодня лучше?

- О, с ней всё в порядке ... то есть, она всегда болеет, - небрежно ответил мальчик, не сводя глаз с конькобежцев.

- Она лучше спала прошлой ночью?

- А почему бы и нет... впрочем, я точно не знаю. Сегодня я её ещё не видел.

- Не видел? – удивлённо переспросил доктор.

- О, сэр, я знал, что она будет отговаривать меня, чтобы я не пошёл на лёд. Она такая суетливая и всего боится, обращается со мной, как с ребёнком. Она всегда воображает, что есть опасность, когда её нет. - Мальчик презрительно скривил губы.

- Я бы сказал, что сейчас ты в опасности, - очень серьёзно произнёс доктор Мертон.

- Почему это? Лёд такой толстый, что на нём можно быка зажарить, - ответил Павел, ударяя по нему каблуком.

- В опасности гнева Того, Кто сказал: «Почитай отца и мать» — в опасности от будущей боли и сожаления, когда время для выполнения этой заповеди будет потеряно для тебя навсегда.

От этих слов Павел сильно покраснел. Ему хотелось дерзко ответить, но в манерах доктора было что-то такое, что повергло в трепет даже его гордый и непокорный дух.

- Где твой брат Гарри? - спросил доктор.

- Наверное дома, - резко ответил Павел. Он был рад любой перемене в разговоре. Он ещё больше обрадовался, когда джентльмен повернулся и оставил его развлекаться.

Где же был Гарри в то яркое, весёлое утро, пока его брат развлекался на льду? В маленькой, скучной, тесной комнате лежала беспокойная больная. Солнечный свет закрывали тёмные шторы. Звуки весёлых голосов, доносившихся снаружи были большим контрастом с мрачной тишиной внутри. Гарри бесшумно скользил по комнате, поправил огонь, поставил чайник, приготовил кашу для матери и осторожно поднёс к её кровати.

Он поудобнее поправил подушки для страдальцы и ухаживал за ней так же, как она ухаживала за ним в дни его младенчества. Раздражительность больной никогда не выводила его из терпения. Он думал, что часто, когда он был младенцем, его крик нарушал её сон и покой. Как он мог сделать достаточно для той, которая дала ему жизнь? Она заботилась о нём и любила его задолго до того, как он смог ответить благодарным взглядом. О! какая святая вещь - сыновнее послушание! Бог заповедал его и благословил. Он будет благословлять послушание вечно. Тот, кто не слушается или пренебрегает родителями, собирает шипы для своей собственной подушки. Шипы эти однажды пронзят его до самой души.

- Где Павел? - с беспокойством спросила миссис Фейн. - Я всегда беспокоюсь об этом дорогом мальчике. Я надеюсь, что он не отважился выйти на лёд.

- Мне кажется, мама, что лёд довольно прочный. По крайней мере последние три дня.

- Ты слишком много знаешь! – раздражённо возмутилась больная. - В этом озере утонул мой двоюродный брат, когда все говорили, что никакой опасности нет. Я тысячу раз запрещала вам обоим приближаться ко льду! - Она бросила на сына недовольный взгляд, как будто это он нарушил её приказ.

- Мама, может быть, ты покушаешь сейчас? - произнёс Гарри, снова привлекая её внимание. Он пододвинул к ней ближе то, что так тщательно готовил.

- Мне это не нравится! Она холодная... в ней полно комков. Ты никогда ничего не делаешь хорошо!

- Я постараюсь делать лучше, - пообещал сын, стараясь выглядеть весёлым, но чувствуя, что задача довольно трудная. - Если ты не будешь есть кашу, может, мне принести тебе немного чая?

С недовольным видом миссис Фейн согласилась, и Гарри немедленно приступил к приготовлению. Пока он был занят, его бедная мать продолжала с тревогой и печалью выражать свои опасения за старшего сына.

- Мама, тебе немного легче? - спросил Гарри, после того как она выпила чашку хорошего чая. В ответ она только простонала. - Могу я сделать что-нибудь ещё? - Да, я вижу; верхняя часть этой шторы обвисла, и свет попадает тебе в глаза. Я поправлю её сию же минуту! - и он легко вскочил на стул, чтобы дотянуться до верха шторы.

Мать провожала его взглядом своих глубоко запавших глаз. Постепенно они стали влажными. Она смотрела на своего послушного сына. Капризная и требовательная по отношению к нему, какой сделала её болезнь, она всё же нежно любила его и

была безмерно благодарна. Когда он вернулся к ней, она слабо сжала его руку и пробормотала: - Ты моё утешение, Гарри!

Был ещё Один, Кто с любовью взирал на этого послушного и исполнительного мальчика! Тот, Кто когда-то был подвластен земным родителям. Кто заботился о матери даже в муках Креста. Он одобрительно смотрел на искреннего мальчика, который занимал должность, назначенную ему его Господом. Мальчик позволял Божьему свету сиять в своём доме!

Солнце уже садилось, когда Павел вернулся домой. Он, не обращая внимания на волнения, которые могло вызвать его отсутствие, пообедал у соседей. Не то чтобы он на самом деле не любил свою заботливую мать, но себя он любил гораздо больше. Он никогда не считал послушание священным долгом, а непочтительность к родителям - грехом. Он никогда не задумывался пожертвовать своей волей ради матери. Её улыбки или поцелуя, когда он был более чем обычно эгоистичен или груб, было достаточно, чтобы успокоить совесть мальчика и, как он выражался, "всё между ними уладить". Но раны не так легко залечить. Родительские заботы совсем не легко отбросить. Скоро наступил час, когда Павел должен был почувствовать шипы, которые он сам насадил для себя.

- Теперь я получу от мамы хорошую взбучку, пробормотал мальчик вполголоса, подходя к двери, - за то, что пошёл на лёд и не приходил весь день. Какой смысл в каникулах, если я не могу провести их так, как мне нравится? Я бы предпочёл быть в школе, чем хандрить дома, как Гарри! Жаль, что я недостаточно взрослый, чтобы пойти в армию и не слышать бесконечных упрёков матери!

- Ты никогда их больше не услышишь, - прозвучал торжественный голос выходявшего за дверь, когда Павел подошёл к ней. Мальчик вздрогнул. Перед ним стоял доктор Мертон.

- Почему? - воскликнул Павел. Странное чувство страха и трепета охватило его сердце.

- Около двух часов назад у твоей бедной матери произошёл тяжёлый приступ. Я едва ли смею надеяться, что она доживёт до утра!

Павел, не желая ничего больше слышать, бросился в дом. Там была одна из соседок, которая любезно предложила остаться на ночь, чтобы помочь Гарри ухаживать за умирающей матерью. Мальчик, стоя у кровати на коленях, молился за мать своему небесному Отцу.

Павел с замиранием сердца, дрожа от переполнявших его эмоций, подошёл к кровати. Он с тоской вглядывался в изменившиеся черты лица той, за чью любовь он так жестоко платил. Миссис Фейн лежала, не сознавая того, что происходило, не видя горьких слёз, проливаемых её сыновьями. Она больше не могла радоваться привязанности одного или быть уязвлённой пренебрежением другого. О! Чего бы только не отдал Павел, склонившийся сейчас над ней, за один прощающий взгляд этих закрытых глаз! Чего бы он только не отдал, чтобы услышать слова этих бледных губ, даже если бы они были упрёком! Но его сознание и страхи пришли слишком поздно ... его мать больше никогда не будет говорить!

Через несколько дней оба сына стояли у открытой могилы. Никто из тех, кто видел горе обоих, не зная о прежних обстоятельствах их жизни, не знал, какие разные воспоминания наполняли их сердца. Это был яд в кровоточащей ране

одного, и успокаивающий бальзам в ране другого! - Моим последним поступком по отношению к матери было непослушание... Её последним чувством по отношению ко мне было недовольство и боль! Я омрачил, может быть, даже сократил её жизнь... Гнев Бога на мне! - Таковы были мысли Павла ... его мучительные мысли, когда он услышал, как земля падает на гроб той, кто любил его больше всех на свете.

Даже за несметное богатство Гарри не обменялся бы воспоминанием о последнем любящем взгляде своей матери и её последних ласковых словах: "Гарри, ты моё утешение!" - звучало в его ушах, словно ангел повторял их скорбящему.

И не только тогда, но и когда время смягчило его печаль. Даже в течение его долгой почётной, полезной жизни, если забота давила на его сердце, он думал об этих словах. Они облегчали его бремя забот. Когда радость поднимала его дух, они делали её ярче. Благословение матери, казалось, навсегда покоилось на нём!

«Почитай отца твоего и мать твою, как повелел тебе Господь, Бог твой, чтобы продлились дни твои, и чтобы хорошо тебе было на той земле, которую Господь, Бог твой, даёт тебе». «Сын мудрый радуется отцу, а сын глупый - огорчение для его матери».

Глава II.

Заклѹчѣнный освобождѣн

"Кто может сказать: "я очистил моё сердце, я чист от греха моего?" (Прит.20:9)

В школе, где преподавал Вилли Торн, было много весѣлых ребят. Среди них был один парнишка, который никогда не улыбался. Во время перемен школьники часто делились апельсинами, яблоками или пирожными. Но об этом мальчике, казалось, никто никогда не думал. Он никогда не получал даже доброго взгляда. Многие мальчики возвращались в свои весѣлые дома, чтобы рассказать родителям то, что они слышали от своего учителя. Этот же мальчик чувствовал себя опустошѣнным и одиноким, некому было приветствовать его в его убогом жилище, ибо такое место нельзя назвать домом. Почему никто из ребят в школе не хотел сидеть рядом с бледным мальчиком с впалыми щеками и опущенными глазами? Почему они не принимали его в свои весѣлые игры и даже стремились исключить его из своего круга? Увы! на имени Сета Дельмара было пятно ... когда-то он сидел в тюрьме за кражу хлеба у пекаря. Теперь его избегали и презирали как вора!

Бедный мальчик глубоко раскаялся в своём грехе и теперь горько ощущал его последствия. Напрасно он всегда проявлял готовность услужить, кротко переносил насмешки и пренебрежение своих товарищей и был очень внимателен к своему собственному поведению. Учитель заметил болезненное положение мальчика и понимал, что отчаяние может привести его к дальнейшему греху. В основе презрения лежит самоправедность, с которой его школьные товарищи относились к

несчастному Сету. Он решил воспользоваться первой возможностью поговорить с ними на эту тему и показать им их поведение в истинном свете.

Сет был терпелив и настойчив в выполнении школьных заданий. Наконец он получил от своего учителя приз в виде небольшой книги. На его бледном лице отразился первый проблеск удовольствия, который кто-либо из присутствующих когда-либо видел. Однако выражение радости сразу же исчезло, когда он робко оглянулся на своих товарищей. Он увидел, что никому нет дела до его успеха, что, возможно, это только усилит неприязнь к нему.

На следующий день преподаватель увидел, что мальчик склонился над этой книгой. Крупные капли слёз, несмотря на его усилия остановить их, стекали с его глаз, когда он смотрел на неё. Сообразив, что, должно быть, что-то произошло, учитель подошёл к нему и сразу же понял причину огорчения Сета. На титульном листе книги учитель написал имя мальчика, но прямо под ним теперь появилось, совсем другим почерком, ужасное слово "ВОР"!

- Это был самый необдуманный... я хотел бы, чтобы он был только необдуманным поступком, - сказал Торн с серьёзным почти суровым выражением лица. - Я не буду спрашивать, кто является автором этого жестокого оскорбления. Мы должны предположить, что тот, кто таким образом осуждает другого, несмотря на предупреждение "Не судите, да не судимы будете", по крайней мере, осознает, что его собственное сердце чисто, что он никогда не грешил.

Дети молча посмотрели друг на друга, а затем один из старших мальчиков, Бат Найланд, пробормотал вполголоса: - Сознавая, что никогда не крал ни копейки!

- Я не сказал, признавая, что никогда не воровал, но никогда не грешил. Всякий грех - непослушание Всевышнему. Это грех, в котором нужно покаяться, и грех, подлежащий наказанию, будь то воровство, ложь или недоброжелательность к другому. Закон, запрещающий нам желать чужого даже в тайниках наших сердец, был торжественно дан среди ужасов Синая. Он обязателен для человека, как и «не убей». Если цепной трос, от которого зависит безопасность судна лопнет во время шторма, независимо от того, насколько маленьким было звено, которое разорвётся, цепь будет по-настоящему разорвана. Судно будет в такой же опасности, как если бы цепь была разбита на тысячу кусков.

- И всё же я думаю, - сказал Бат Найланд, - что есть некоторые более ужасные грешники и более великие заповеди. Нас не следует ставить на один уровень с ворами.

- Ты не помнишь, - мягко спросил Торн, поворачиваясь к мальчику, который был рядом с ним, - две самые великие заповеди закона, о которых сказал наш благословенный Господь?

«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя».

- И те, кто нарушает великие заповеди, конечно, должны быть великими грешниками?

По классу пробежал общий гул согласия.

- А теперь скажите мне, - сказал учитель, говоря более серьёзно и оглядываясь вокруг, - кто из нас может признать себя невиновным в том, что нарушил эти великие заповеди?... нарушал их часто... нарушал их каждый день своей жизни?

В ответ никто не издал ни единого звука. Совесть молчаливо свидетельствовала против каждого. Торн продолжил: - Всемогущий Бог имеет право на нашу величайшую любовь. Он создал нас, сохранил нас, искупил нас ... Он соизволил сказать: сын Мой, отдай Мне своё сердце! Но кто из нас подчинился небесному зову? Доставляет ли нам удовольствие служить Ему, молиться Ему? Думаем ли мы о Нём с почтением, благодарностью и любовью, ища Его славы прежде нашего собственного удовольствия, делая Его волю законом нашей жизни? Вот в чём, дети мои, заключается соблюдение первой заповеди. Если кто-либо из присутствующих уверен в своём сердце, что он никогда умышленно не нарушал её, пусть сейчас поднимет руку в знак того, что он может сказать, «Не виновен в этом обвинении!»

Все руки лежали неподвижно.

- Кто возлюбил ближнего своего, как самого себя? Кто никогда не совершал несправедливых поступков, не произносил злых слов, не таил в своём сердце завистливых мыслей? Виновны, мы все виновны перед нашим Богом! Мы нарушили Его повеления, мы оскорбили Его святость! Увы! Кто может сказать: "я очистил моё сердце, я чист от греха моего?"

- А теперь, - продолжил Торн после очередной торжественной паузы, - кто из вас может привести мне стих из Слова Божьего, который говорит нам о справедливом наказании за грех?

Сет ответил очень тихим голосом, который не был бы услышан, если бы не абсолютная тишина, царившая в классе: - "Душа согрешающая, она умрёт!"

- Тогда что же будет со всеми нами? - воскликнул Уильям Браун, который только недавно поступил в школу. - Должны ли все быть наказаны, так как все согрешили? Неужели нет никакой надежды на спасение?

- Мы надеемся на Сына Божьего, Который спустился на землю, чтобы вознести нас на небеса. Он понёс наше наказание, чтобы мы могли разделить Его блаженство. Через веру в Него даже главный из грешников может быть спасён! Кровь Иисуса Христа очищает от всякого греха!

- Но тогда, — сказал Найланд, - если те, кто много грешил, и те, кто грешил меньше, все могут попасть на небеса, если только они поверят, то не имеет значения, пытались ли мы повиноваться или нет. Выходит, что Господь сделал всё, и нам больше нечего делать.

- Боже упаси, чтобы ты так думал, - поспешно перебил Торн. - Все должны стремиться к «святости, без которой никто не увидит Господа», «Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его». Библия изобилует отрывками, которые показывают, что для умышленно непослушных, которые не покаются, презируемая милость Господа лишь увеличит наказание за их грех!

- Я не совсем это понимаю, - сказал Уильям Браун.

Чтобы объяснить, что наше спасение только от Господа, и всё же, написано: «со страхом и трепетом совершайте своё спасение», я расскажу вам небольшую аллегорию или притчу. Помните, что моя история предназначена для того, чтобы

передать более глубокий смысл, чем может показаться на первый взгляд. Слушайте внимательно, чтобы обнаружить этот смысл. Эта история о человеке, и о вас самих.

Все ученики молча и внимательно настроились слушать. После минутного размышления учитель начал.

- Был великий и могущественный государь, который правил обширным королевством. Его мудрые и справедливые законы были созданы для того, чтобы сделать счастливыми всех, кто будет им повиноваться. Были мятежники, которые восстали против своего короля, нарушили его приказы, презирали его уставы и самым справедливым образом заслужили смертный приговор, вынесенный им как предателям. Среди них был юноша, которого мне не нужно называть. После того, как ему был вынесен приговор, он был заключён в тюрьму под названием "Осуждение". Там он должен был находиться до тех пор, пока палач, Правосудие, не будет послан для исполнения приговора.

- Тюрьма с толстыми стенами была очень крепкой. Через решётчатое окно едва проникал свет. Всё это лишало всякой надежды на освобождение. Иногда юноша пытался льстить себе мыслью, что Государь был слишком милосерден, чтобы уничтожить его. Затем в его сознании возникал приговор судьи. Он понимал, что Справедливость требует его наказания. Он стал придумывать развлечения, чтобы прогнать страх смерти. Иногда ему удавались его жалкие попытки быть весёлым; но всё же мысль о том, что было перед ним, преследовала его, и он никогда не мог быть по-настоящему счастлив.

- Жалкое состояние, - заметил Найланд.

- По природе мы все в этом состоянии, - сказал учитель. «Потому что все согрешили и лишены славы Божией». Мы все приговорены, и приговорены справедливо. Если бы не надежды на лучшую жизнь в вечности, чем был бы этот мир, если не тюрьмой! Но вернёмся к мятежнику в моей истории.

- Однажды ночью, когда он, одетый в тёмную и рваную одежду, размышлял о своей несчастной судьбе, в его тюрьме засиял яркий свет. Он увидел идущего к нему Друга — того, чьей добротой он долго пренебрегал, но Кто не забыл его в его невзгодах. Одежды, которые носил этот Друг, были белыми и безусловно чистыми, на них не было ни пятнышка. Они были такими, какие подобают человеку высокого положения, человеку такого ранга, что вряд ли можно было ожидать, что его нога когда-либо ступит в темницу Осуждения!

Он обратился к молодому мятежнику с любовью и состраданием. Друг сказал осужденному, что оставил всё, рискнул всем из чистой любви, чтобы спасти его от смерти, которую тот заслужил. Он предупредил, что Правосудие вот-вот войдёт в эту тюрьму, чтобы пролить кровь заключённого. Но есть только один способ избежать. Если бы мятежник поменялся одеждой со своим милосердным Посетителем, снял свои собственные лохмотья, чтобы надеть Его белые одежды, то мог бы выбраться из тюрьмы Осуждения и безопасно пройти мимо Правосудия!

Более того, Друг сказал мятежнику, что, используя пароль Вера, охранники у внешней двери позволят ему выйти на свободу. Снаружи он найдёт самого надёжного и безопасного проводника, который приведёт его в безопасное место. Затем, заключённый с дрожащей поспешностью совершил необходимый обмен одеждой. Его сердце трепетало от надежды на свободу. Можем верить, что он был

благодарен милосердному Другу, который согласился остаться и принять смерть вместо него. Друг вложил ему в руку бумагу, содержащую его последнюю предсмертную просьбу к грешнику, которого Он спас. Он поручил юноше, если не ради его Спасителя, но ради него самого, навсегда избегать тех мятежников, которые привели его к вине, которую теперь предстояло искупить такой ужасной ценой.

- Юноша в самом деле сбежал, и его милосердный Друг действительно остался и умер за него? - воскликнул юный Браун.

- За ответом на этот вопрос Вы можете обратиться к своим Библиям и там увидите, кто «изъявлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши». Кто пришёл к нам, когда мы лежали в глубоком осуждении, и спас нас, отдав за нас Свою жизнь!

- Я начинаю понимать, что вы имеете в виду, - задумчиво сказал Найланд. - Мне никогда раньше не приходило в голову, что я мятежник, что мне грозит наказание или что мне нужен такой Друг, чтобы пострадать за мои грехи.

- И белая одежда - это одеяние праведности Господа? - пробормотал Сет.

- Да, - сказал Торн, - это то, что мы должны одеть, если хотим выйти из тюрьмы и благополучно миновать палача, Правосудие. Это подводит меня к тому, что я хотел объяснить: спасение только от Господа, и всё же мы должны совершать своё спасение со страхом и трепетом. Кто может отрицать, что заключённый был обязан своим побегом целиком и полностью милости своего Друга?

- Никто, - воскликнуло несколько голосов, - у него вообще не было возможности освободиться.

- Теперь предположим, что заключённый, выйдя за ворота темницы, отбросит свою маскировку как нечто совершенно ненужное, забудет пароль и отвернётся от своего проводника. Несмотря на последнее серьёзное предупреждение своего Освободителя, он поспешит снова присоединиться к мятежникам.

- Он был бы неблагодарным, злым, безумным, если бы сделал это! - воскликнули мальчики. Найланд добавил: - Он заслужил бы, чтобы его затащили обратно в темницу! Его постигла бы худшая участь, чем если бы он никогда не покидал её.

- Правильно, - сказал Торн, - и так будет, когда Господь придёт судить землю. Те, кто, вкусив милости Спасителя, и упорствуют в присоединении к Его врагам, кто отвергает Его совершенную праведность и выбирает пути, которые Бог осудил, не раскаиваясь и не оставляя тех грехов, которые стоили Его драгоценной жизни, будут осуждены более сурово, чем язычники, которые никогда не знали Его или Его законов.

- У меня вопрос, который я хотел бы задать, - прошепелявил самый младший мальчик в классе. - Что было написано в бумаге, которую добрый Друг дал бедному заключённому, когда освободил его?

- Несомненно Его предсмертная просьба, - сказал Найланд.

- Какие слова, по-твоему, можно было найти в этой бумаге? - спросил учитель Эдмунда, умного мальчика, который обычно учился лучше всех.

Эдмунд на мгновение задумался, а затем сказал: - «Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди».

Учитель увидел, что ответ дрожит на устах бедного Сета, и взглядом подбодрил его сказать это вслух: “Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас.”

- Вот, - сказал учитель, - мотив любви. Помните, - продолжал он внушительно, - что это была предсмертная просьба нашего Спасителя. Тот, Кто был самой невинностью, должен был страдать от стыда, агонии и смерти ради нас. Есть ли здесь хоть одно сердце, настолько холодное, что пренебрегло бы последним желанием умирающего Друга, — настолько неблагодарное, что не стремилось бы отплатить за столь великую любовь? Можем ли мы думать о Его милосердии и в то же время быть немилосердными? Своим недобрим, неблагоприятным поведением по отношению к нашим ближним показать, что самые высокие мотивы не имеют власти над нашими душами? Что мы бессердечно и неблагодарно пренебрегаем единственным способом, которым можем доказать нашу любовь Тому, Кто возлюбил нас и отдал Себя за нас?

Ответа на этот вопрос не последовало. Возможно, учитель не ожидал его получить. Но когда уроки закончились, и мальчики выходили из класса, учитель с чувством удовлетворения увидел, как юный Найланд подошёл к Сету. Сильно покраснев, он прошептал что-то ему на ухо, на что бедный мальчик ответил, тёплым рукопожатием. Сета больше не преследовали в школе, не презирали и не насмехались над его грехом. Мальчики научились проявлять больше снисхождения к недостаткам других, благодаря более глубокому знанию своих собственных. Обнаружив, что все они нарушили великую заповедь и не имели никакой надежды, кроме как на заслуги и милость своего Господа, они с большей жалостью смотрели на бедного товарища-грешника, в чём он раскаялся и был прощён.

Глава III.

Возвращение матери

“Надейся на Господа всем сердцем твоим, и не полагайся на разум твой”. (Прит.3:5).

- Я так рада, что наша мама возвращается сегодня! - воскликнула маленькая Мэри Бенсон. - Казалось, эта неделя никогда не закончится!

- Да, если бы мы не были так заняты вязанием варежек для неё, оно бы шло ещё медленнее, - ответила Мария. - Как она будет рада, и как удивится, ведь она даже не знает, что мы умеем вязать!

- Со стороны миссис Паркер было очень любезно научить нас. Я надеюсь, что она не выдаст нашу тайну. Мама намеревалась на обратном пути зайти к ней домой, чтобы оставить свёрток с шерстью.

- Бедная мама! Она будет очень уставшей от такого долгого пути.

- Она всё забудет, когда прижмёт нас к своему сердцу, - воскликнула маленькая Мэри. При этой мысли её глаза засияли от удовольствия. - О, подумать только, что я снова окажусь в её объятиях! Как мы бросимся ей в объятия!

- Если бы мама могла позволить себе заплатить за карету, она могла бы быть здесь к этому времени. Но, похоже, у неё никогда нет лишней монетки, - вздохнула Мария. - Я не могу не думать, — добавила девочка после паузы, вяло перелистывая страницы книги, которую она скорее рассматривала, чем читала. - Я не могу не думать, что Всемогущий заботится о нас меньше, чем о богатых и знатных. Если Он так нежен и любящ, как нам говорят, то почему мы нуждаемся?

- О, Мария! Грешно так думать! Мы должны уповать на Господа всем сердцем, а не воображать, что в нашей порочной гордыне мы знаем, что для нас хорошо. Мы не можем знать лучше, чем Тот, Кто есть мудрость, а также любовь.

- Я хотела бы знать, почему в мире существуют такие различия? - ответила Мария.

- Мы должны помнить, что сказал Спаситель Петру: «Что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после». Другими словами, всё, что делает Бог – правильно. Помнишь, что священник сказал в своей проповеди в прошлое воскресенье — что, если бы в этой жизни не было различий в положении, богатые не могли бы проявлять милосердие, а бедные - проявлять терпение.

- Задача богатых намного проще, чем задача бедных, - заметила Мария с недовольным видом.

- Возможно, и нет, - мягко предположила Мэри. - Я не думаю, что в Библии это так выглядит. Там так часто предупреждается об опасностях богатства. Никто из нас не может сказать, если бы они у нас были, смогли бы мы хорошо их использовать. Мне нравятся строки, которые мама нам повторяет:

"Величайшее зло, которого мы должны бояться, это — завладеть нашей долей здесь".

- Нам вряд ли угрожает это зло, - заметила Мария с горькой улыбкой. - Мне не понятно, почему нашей маме, которая всегда такая богобоязненная, терпеливая и добрая, приходится так много работать и при этом получать так мало, в то время как другие имеют много, не работая вообще. Кажется, будто Бог скрывает от нас Своё лицо.

- «Надейся на Господа всем сердцем твоим, и не полагайся на разум твой». Это один из стихов, который, как сказала мне мама, успокаивает её разум всякий раз, когда у неё возникает искушение пожаловаться на свою судьбу. Но разве это не мама идёт через поле? Да, да! Это наша дорогая мамочка! - Обе девочки с криком восторга бросились к двери ей навстречу, неся в руках свой маленький подарок.

Но каково же было изумление девочек при встрече с матерью, с той, которую они так нежно любили и так с нетерпением ожидали! Миссис Бентон сильно спешила. Лицо её было красным. Ни поцелуев, ни приветственной улыбки, ни доброго слова она не произнесла. Когда они бросились ей навстречу, мать нетерпеливо отмахивалась от них, - Назад, назад! — крикнула она. - Не прикасайтесь ко мне! - Миновав их, она поспешила вверх в свою комнату.

Поначалу ни одна из девочек не могла вымолвить ни слова. С широко открытыми глазами и приоткрытыми ртами они стояли как вкопанные. Их удивление и

унижение невозможно было передать. Затем медленно и печально они вернулись в комнату, которую только что покинули. Некоторое время обе молчали, пока Мария, раздражённо отбросив варежку, которую она связала, не воскликнула:

- Кто бы мог подумать, что мама может быть такой недоброй!

- Недоброй? О, никогда, никогда не говори таких слов! - воскликнула Мэри, и её глаза наполнились слезами.

- Она выглядела так, словно хотела оттолкнуть меня! Меня, своего собственного ребёнка, если бы я осмелился подойти немного ближе. И это после того, как она не видела нас столько дней! Я не могу понять, что могло заставить её так обращаться с нами!

- Не думай, а доверяй, - запинаясь, произнесла её нежная сестра. - Мы можем быть уверены, что у мамы есть свои веские причины. Она всегда любит нас и действует для нашего блага. Хотя мы сейчас и не можем понять, что она делает, мы можем быть уверены, совершенно уверены, что это мудро и хорошо.

- Благослови тебя Господь, дитя моё, за твоё любящее доверие! - воскликнула мать, которая в этот момент входила в комнату. Она теперь прижимала своих маленьких дочерей к сердцу ещё теплее и нежнее, чем когда-либо. Мать как бы желала возместить своей любовью пятиминутное кажущееся пренебрежение.

- Мама, почему ты не позволила нам приблизиться к тебе? - спросила Мария, отвечая на нежные объятия.

- Ради вас самих, мои дорогие, только ради вас самих. Как и обещала, я по дороге зашла к миссис Питерс. Только войдя в коттедж, я узнала, что её единственный сын лежит там, больной скарлатиной.

- Бедный Робин! - воскликнули девочки, полные сочувствия к беде своего соседа. - Разве эта болезнь не ужасно заразная?

- Очень заразная, дети мои. Признаюсь, что, войдя в дом, я почувствовала огорчение и страх. Я не за себя боялась. Если бы не вы, я бы предложил остаться, чтобы помочь ухаживать за бедным мальчиком. Но я боялась, что в своей одежде могу принести сюда смерть. Боялась, что я могу принести несчастье в свой собственный счастливый дом. Только когда я сняла шляпу и плащ, я осмелилась обнять своих детей. Вы с таким нетерпением встретили меня у двери, что я вынуждена была крикнуть на вас, иначе вы оказались бы в моих объятиях прежде, чем я смогла бы остановить вас. У меня просто не было времени для объяснений.

- У мамы были веские причины, - подумала Мария. - Как стыдно, что я могла сомневаться в ней!

- А как там бедная миссис Питерс? - спросила Мэри, когда мать заняла стул у камина, а её маленькие дочери уселись у её ног. - Она так любит своего сына, что не может жить без него. Как она переносит это ужасное испытание?

- Как христианка, — ответила мать. - Как та, кто знает, что все события находятся в руках премудрого Бога, что Он не огорчает Своих детей напрасно. Все её надежды и страхи принесены Ему в молитве. Применяв все человеческие средства для сохранения своего сына, она теперь смиренно полагается на бесконечную милость Господа, который всё устраивает хорошо. Она наполнена абсолютным доверием, которое так приятно в глазах Небес.

- Ах, вот чего я хочу! - пробормотала Мария, пряча голову на коленях матери. - Мама, сегодня я извлекла урок из боли, которую пережила, усомнившись в твоей любви, и стыда, который я испытываю сейчас, за то, что допустила это. Мэри заслужила твой первый поцелуй, мама. Я могу любить, очень сильно любить, но она может и любить, и доверять.

Глава IV.

Друг в нужде

“Не покидай друга твоего и друга отца твоего” (Прит.27:10).

В деревне не было более счастливой матери, чем миссис Питерс, и лучшего сына, чем её Робин. Она воспитала своего ребёнка так, как хотела, и теперь ему было приятно идти по этому пути. Мать не стеснялась указывать на его ошибки, и он любил её за это ещё больше. Из Библии она учила его долгу перед Богом, и с тех же страниц он узнал свой долг перед матерью. Приятно было видеть в воскресенье утром, как они идут по узкой тропинке, ведущей к церкви. Немошная мать, опиралась на сильного, здорового сына, который нёс её Библию и песенник. У миссис Питерс никогда не было ни малейшего чувства зависти к тем, кто был выше её в этом мире. Она бы ни с кем не поменялась местами. - У них могут быть богатства, прекрасные дома, обширные земли, - говорила она, - но у кого есть такой сын, как у меня?

Однако в воскресенье вечером Робин не ходил с матерью в церковь. Возможно, вам пришла мысль, что после тяжёлой работы в течение всей недели он подумал, что ему нужно немного отдохнуть или развлечься? Думаете, что вы могли бы найти его в “праздном уголке” деревни, где он развлекался с товарищами? Может быть, он считал, как и слишком многие, что, посвятив воскресное утро религии, он мог делать то, что ему заблагорассудится в оставшуюся часть дня? Давайте проследим за Робинем в воскресенье и посмотрим, куда он, пообедав с матерью, добровольно направляет свои шаги.

Вот он идёт через пустошь, затем через лес, и вверх по крутому склону холма. Для него не имеет значения, что путь долог. Осенью и зимой часть дороги едва ли вообще заслуживает названия таковой, став почти непроходимой из-за болот и снега. Бодро он спешит вперёд лёгким пружинистым шагом. Иногда напевая гимн, или оглядываясь вокруг на бесконечное разнообразие природы, он возносит своё сердце к Богу! Несомненно, есть что-то очень приятное, что ждёт Робина в конце его пути, он всегда ходит в этом направлении. Интересно, что он никогда не отказывается от этого, ни в хорошую погоду, ни в плохую. Робин, продолжая свой путь, выглядит очень счастливым.

Наконец он останавливается у двери бедной маленькой лачуги, построенной из глины и крытой соломой. Разбитые стекла в единственном окне были залатаны бумагой руками Робина вместо тряпок, как это было раньше. Но в любом случае они говорили о бедности и нужде. У жалкого маленького камина, который едва теплится

дровами, которыми снабдил Робин, сидит бедный старик. Бедняга весь сгорбленный, длинные волосы падают на его морщинистый лоб, руки дрожат, а глаза потускнели от старости. Но даже в этом тусклом взгляде блеснул радостный огонёк, когда он услышал хорошо знакомый стук в дверь. Какое тёплое пожатие этой костлявой, дрожащей руки, когда она отвечает на любезное пожатие Робина!

Сначала идут расспросы о здоровье старика, и на них требуется некоторое время, чтобы ответить. Изливать длинные жалобы — облегчение и утешение для страдающих. Они рады, если кто-то слушает их с участием и интересом. Затем содержимое карманов Робина выкладывается на сломанный ящик, который служит старику одновременно шкафом и столом, а также скамьёй для посетителей, которые редко находят дорогу в лачугу на холме. Каждую неделю молодой человек приносит что-то новое. Ему почти нечего дать, но он всегда приносит что-нибудь, чтобы угостить старого Уилла Эйлмера. Иногда это немного чая, другой раз пара тёплых носков, связанных матерью. Бывает и часть его собственного обеда, если ему больше нечего принести бедному и пожилому другу своего отца.

Освободив должным образом свои карманы, Робин, садится на ящик, поближе к старику. Так как Эйлмер очень плохо слышал, юноша громким голосом повторял ему всю утреннюю проповедь, насколько мог вспомнить. Тот, кого возраст и немощи удерживали от дома Божьего, таким образом, по доброте юноши, каждую неделю получал духовную пищу. Но больше всего ему нравилось, когда Робин открывал Библию. Несмотря на бедность, у Эйлмера была Библия. Тем же громким, отчётливым голосом Робин прочитывал благословенные слова, которые тусклые глаза его друга больше не могли видеть.

После того, как священная книга была закрыта, проходило много времени, прежде чем Робин мог уйти. Эйлмеру хотелось услышать о его друзьях и соседях, обо всём, что происходило в деревне, в которой старик когда-то жил. В течение долгой, одинокой недели ему будет о чём подумать, чтобы не чувствовать себя совершенно отрезанным от живого мира. Робину приходилось не только говорить, но и слушать. Это, несмотря на глухоту старого Эйлмера, было, пожалуй, самой трудной задачей.

Слабым было не только его зрение, но и его память. Его разум с возрастом слабел и становился детским. Его утомительные и часто повторяемые рассказы истощили бы любое терпение, не основанное на христианской любви! Таким образом проходила вторая половина воскресного дня Робина. Домой он возвращался усталый, но счастливый, и наслаждался тихим, приятным вечером со своей матерью. Робин наливал сладость в горькую чашу старика. Он следовал по стопам своего сострадательного Господа, и повиновался наставлению, данному в Священных Писаниях: " Не покидай друга твоего и друга отца твоего".

После того, что было написано, вряд ли стоит добавлять, что жизнь Робина была счастливой. В мире с Богом и в мире с людьми, зарабатывая свой хлеб честным трудом и ни перед кем не будучи в долгу, он ни с кем не враждовал. Окружённый друзьями, наделённый весёлым характером и отличным здоровьем, он был намного счастливее тех, кто носит корону. Но хотя вера может поддержать народ Господа в испытаниях, она не мешает им проходить через них, как и другие. После нескольких лет, проведённых в комфорте и покое, над домом Робина сгустилось облако.

Однажды в субботу вечером он вернулся домой, жалуясь на головную боль и боль в горле. Миссис Питерс пришла к выводу, что он простудился и посоветовала ему лечь отдыхать пораньше. Она приготовила для него какое-то простое средство, которое, как она надеялась, поможет ему. Робин с благодарностью взял то, что она ему дала. В тот вечер он казался странно молчаливым и сидел, подперев лоб рукой, как будто голова была слишком тяжёлой. Любящая мать забеспокоилась. Кто может оставаться равнодушным, если его земное счастье зависит от любимого? Она взяла сына за руку и почувствовала, что она горячая. Её встревожил появившийся румянец на его щеках, и она предложила пригласить доктора. Сначала Робин возражал против этого, он почти никогда в жизни не болел. Врач жил на некотором расстоянии, а наступала ночь. В заболевании тела и гораздо больше в заболевании души очень опасно медлить!

Прошёл ещё час, и жар и боль страдальца, казалось, усилились. С тревогой мать снова предложила послать за доктором, и на этот раз Робин не стал возражать. - Мне не хотелось беспокоить тебя, говоря это раньше, но на ферме был случай скарлатины.

Слова эти, как нож, пронзили сердце матери! Она не теряла ни одной минуты. Мать поспешно побежала к двери соседей и легко нашла того, кто поспешил за врачом. Миссис Питерс и её сын, будучи сами дружелюбными, никогда не оставались без друзей.

Тем временем Робин, чувствуя, что больше не может сидеть, лёг в постель. Симптомы его болезни вскоре стали более тревожными. Краснота распространилась по всему телу, пульс участился, в висках стучало. Мать, в агонии страха, которую она могла успокоить только молитвой, сидела, ожидая прибытия врача.

Доктор Мертон с двумя своими старыми школьными товарищами, которых он не видел много лет, только что сел за поздний ужин. Они настроились провести вместе приятный вечер. - Ничто не сравнится со старой дружбой и старыми друзьями! - весело сказал он. С дымящихся блюд сняли крышки, и они увидели перед собой уютную трапезу. Поздний час и поездка в двадцать миль вызвали у всех большой аппетит. - Нет ничего лучше старых друзей, старых историй, старых воспоминаний! Мы, кажется, снова проживём наши школьные годы и снова почувствуем себя мальчишками!

Раздался громкий звонок в дверь, в его звуке слышались нетерпение и спешка. - Надеюсь, это не помешает нашему дружескому вечеру, - сказал доктор Мертон, который, наполнив тарелки обоих своих друзей, как раз накладывал себе кусок говядины. Он замер, всё ещё держа в руке разделочный нож и вилку. В комнату вошёл его слуга.

- Извините, сэр, там Том Грейндж, спешно приехал из Редберна. Он говорит, что Робин Питерс очень болен, и его мать просит, чтобы вы немедленно приехали.

Нож и вилка были положены, возможно, немного неохотно, и доктор поднялся со стула.

- Ну, Мертон, ты же не пойдёшь сейчас! - воскликнул один из его гостей.

- Сначала поужинай, - предложил другой.

- Извините меня, миссис Питерс не та женщина, чтобы посылать мне такое сообщение без причины. Я знаю её и её сына много лет, я не могу подвести их в беде.

Доктор надел пальто, снял шляпу, попросил своих друзей отдать должное хорошему ужину и оставил их, нужно признаться, с немалым сожалением. Усталый и голодный он отправиться в холодную зимнюю ночь. Он шёл быстро, чтобы сэкономить время, и чтобы согреться. Шаг его был бы ещё быстрее, если бы он знал, с какой мучительной тревогой, возрастающей с каждой минутой, ожидалось его прибытие. Когда он подошёл, дверь открыла вдова. Она смотрела на него с затаённой серьёзностью человека, ожидающего услышать приговор жизни или смерти.

Врачу не понадобилось много времени, чтобы установить диагноз. У молодого человека была скарлатина. Ночью кто-то должен сидеть с ним и наблюдать. Следует немедленно послать гонца за необходимыми лекарствами. Доктор пообещал зайти на следующее утро.

- Вы не думаете, что мой мальчик... очень болен, сэр? — запинаясь, спросила мать, сложив руки и устремив взгляд на доктора Мертона. Весь вид её был выражением глубокой скорби, которое тронуло доброго человека до глубины души.

- Он болен, и я не могу этого отрицать. Но не теряйте надежду, он молод и прекрасного телосложения. Мне не нужно напоминать вам, мой друг, обращаться за помощью к Тому, в Чьих руках находятся вопросы жизни и смерти.

О, как часто в ту ночь, в ту долгую, страшную ночь, молитва вдовы поднималась из домика с низкой крышей! Казалось, что тьма никогда не рассеется. В конце каждого утомительного часа ночной ветерок доносил до слуха наблюдательницы звук церковных часов. На небе мерцали звёзды. Тусклый фитиль свечи догорал. В камине погасла последняя искра. Беспомощный страдалец лежал так неподвижно, что казалось, будто его душа таким же образом тихо и уверенно покидает своё временное жилище!

С наступлением утреннего света температура усилилась, и болезнь приняла более ужасную форму. Робин не знал, что происходило вокруг него, даже свою горячо любимую мать он больше не узнавал. Его разум наполнился странными, дикими фантазиями, бредовыми сновидениями лихорадки. Мать с болью слушала его бред, но даже когда разум больше не руководил его губами, эти губы не произнесли ни слова, от которого его матери пришлось бы покраснеть. Разговор Робина был чист в дни его здоровья — он держал язык как на уздечке, и привычка была видна даже сейчас, когда он лежал у врат смерти!

Мать слышала его бессознательные молитвы, слова из Священного Писания, произнесённые инстинктивно. Хотя её горячие слёзы бежали, она была благодарна Господу до глубины своей души. Он не откладывал покаяния до смертного одра, не проводил жизнь, посвящённую греху. Робин не оставлял дело веры и любви до старости или томления на больничной койке. Она чувствовала, что если бы Небесам было угодно забрать его у неё сейчас, он был готов. Сын её был в безопасности под опекой Того, кто любил его больше, чем даже она. Хотя сознание могло никогда не вернуться к нему, и он не мог бы больше произнести на земле ни одной связанной молитвы, он был в безопасности, во времени и в вечности, благодаря заслугам Спасителя, которого он любил.

- О сэр! Я так рада вас видеть! - воскликнула миссис Питерс, когда, бледная и измученная бессонной ночью, она встретила доктора в ранний утренний час. - Мой бедный мальчик весь горит и очень беспокойный ... он не узнаёт меня! — слёзы катились по щекам матери. - Я едва могу удержать его в постели!

- Вам нужна помощь, - сказал доктор Мертон, подходя к своему пациенту. Слова сорвались с губ Робина, скорее выдохнутые, чем произнесённые: - Я должен идти — он ждёт меня... я должен идти... мой собственный друг и друг моего отца. - Он сделал попытку подняться, но в изнеможении откинулся на подушку.

- Его что-то беспокоит, - заметил доктор.

- Дело в том, что он привык навещать бедного старого друга Уилла Эйлмера, который живёт в лачуге на холме.

- Уилл Эйлер! - повторил доктор, как будто это имя было ему знакомо. Немоощный старик в давние годы служил садовником у его отца. Много раз маленький Мертон получал цветы из его рук или Уилл носил его на руках, которые тогда были крепкими и сильными.

Доктор Мертон осмотрел своего пациента, и бедная мать скорее по взгляду доктора, чем по его словам поняла, что у него мало надежды на выздоровление её сына. Покидая этот дом скорби, доктор Мертон вздохнул от смешанных чувств.

- Боюсь, что бедный Робин близок к своему вечному дому, - подумал он. - И всё же, чего мне бояться, если я верю, что для него это будет всего лишь скорое наслаждение блаженством? Он устыдил меня, этот бедный крестьянский мальчик! Даже в бреду он думает о другом. Он изо всех сил пытается подняться с ложа смерти, чтобы совершить свой визит к своему другу и другу своего отца! А я... благословлённый средствами, намного большими, чем у него, в течение тридцати долгих лет пренебрегал, нет, совсем забыл о старом верном слуге моей семьи! Я буду смотреть на бедного Уилла Эйлмера как на завещание от Робина. Он сделал всё, что мог, для своего друга при жизни. А своими предсмертными словами, если Богу угодно, чтобы он умер, он сделает ещё больше для старика.

В течение трех дней Робин пребывал в тревожном состоянии, и его мать ни разу не сомкнула во сне глаз. Любовь и страх, казалось, придавали её слабому телу силы, чтобы выдержать любую нагрузку. Она говорила, что это была доброта Всемогущего, которая поддерживала её в горьком испытании. На четвёртое утро Робин погрузился в глубокий сон. Она вглядывалась в его бледные мертвенные черты. Яркий румянец горячки полностью прошёл, и он лежал неподвижно, молчаливый, но с тем умиротворённым выражением, которое часто остаётся, когда дух уходит. Ужасная догадка мелькнула в голове матери, сомнение, неужели всё кончено? Бесшумным, как роса шагом, она приблизилась к сыну с лёгким птичьим пером в руке. Она поднесла перо к его губам ... его дыхание пошевелило перо! ... Нет! это было всего лишь дрожание её пальцев! Она положила перо на подушку... сердце её учащённо бьётся ... это утренний ветерок легко шевелит пух. Нет! Слава Богу!!! Он дышит! Он ещё жив!

Миссис Питерс опустила на колени. Закрыв лицо руками, она снова умоляла Того, Кто сострадал безутешной вдове Наина, и спас её любимого сына. - Но, о Господи, - добавила она с почти разрывающимся сердцем, - если на то будет Твоя

воля, чтобы перенести его в более счастливый мир, дай мне благодать не роптать, а смиренно сказать: "Да будет воля Твоя".

Поднявшись с колен, она перевела взгляд на сына, и встретила с его взглядом. Он спокойно, с любовью смотрел на неё. Как этот взгляд отличался от того, который был в его глазах во время лихорадочного бреда! - Ты молилась за меня, - очень тихо произнёс он, - и Господь ответил на твою молитву! - Глубокая радость этого момента переполнила бы мать, если бы её не сдерживал страх, что это улучшение может быть лишь последней вспышкой угасающей жизни и что опасность ещё не миновала.

Но с этого часа выздоровление Робина быстро прогрессировало, и температура больше не поднималась. Правда, он был очень слабым в течение многих долгих дней. Его руки потеряли всю свою силу. Юношу нужно было кормить и поддерживать, как ребёнка. Но миссис Питерс доставляло удовольствие ухаживать за ним и наблюдать, как он постепенно набирает силу. При всей своей бедности она не знала нужды, пока её сын не мог работать. Все соседи были рады что-то сделать для Робина, они старались помочь тому, кто всегда был готов помогать другим. Жена помещика присылала сок и пищу со своего стола. Жена священника приносила ему крепкий бульон. Фермер, его хозяин, снабдил его беконом и яйцами, и многие соседи, которым было мало что дать, всё же с радостью делились этим малым.

- Как все добры ко мне! - произнёс Робин. Перед ним открыли посылку из бакалейной лавки в первый день, когда он смог встать с постели. - Я хотел бы послать что-нибудь из этого Уиллу Эйлмеру; боюсь, что он скучал по мне, пока я был болен.

- О, за ним присматривали, - ответила миссис Питерс с улыбкой. Её измученное заботами лицо снова выглядело счастливым.

- Кто заботился о нём? - спросил Робин.

- Я не должна говорить тебе, сын мой. Ты услышишь всё из уст самого старика.

- Боюсь, что пройдёт очень много времени, прежде чем я наберусь сил, чтобы навестить его. Как я буду рад снова его увидеть!

Через два или три дня после этого яркое тёплое солнце соблазнило юношу воспользоваться разрешением врача и попробовать немного прогуляться на свежем воздухе. Опираясь на руку своей благодарной, счастливой матери, Робин снова переступил порог дома. Совсем недавно казалось, что он пересечёт его только в гробу. Было чудесное утро ранней весны. Как восхитительно для того, кто был прикован к постели, видеть солнце, освещавшее лик природы! Он смотрел на лес с его лёгкой зелёной мантией и на голубое небо, испещрённое пушистыми облаками. Даже крокус и подснежник в цветнике его матери, казалось, говорили о радости и надежде. Приятным было ощущение ароматного ветерка, который ласкал его бледные, впалые щёки.

Робин вознёс своё сердце в безмолвной благодарности и в молитве о том, чтобы жизнь, которую сохранил Всемогущий, всегда была посвящена Его служению.

Сын мой, хватит ли у тебя силы, чтобы дойти до вон того коттеджа? - спросила миссис Питерс.

- Я думаю, что с твоей поддержкой я мог бы дойти даже до дерева за ним.

- Тогда мы посетим старого Эйлмера!

Робин рассмеялась при этой мысли. - Моя дорогая мама, ни у тебя, ни у меня нет сил пройти и четверти того расстояния. Боюсь, что на некоторое время мне придётся отложить этот визит.

- Нет ничего лучше, чем попытаться, - весело ответила миссис Питерс. Они прошли ещё немного.

- Как странно, - заметил юноша, - я уже устал.

- Тогда мы немного отдохнём в этом коттедже.

- До моей болезни здесь никто не жил. Если сейчас в нём кто-то есть, то мне, только что выздоровевшему от скарлатины, могут не очень-то обрадоваться.

- О, я не сомневаюсь, что здесь тебе будут очень рады, - ответила миссис Питерс. В этот момент дверь отворилась и пошатываясь, из неё вышел бедный старый друг Робина. Радость залила его постаревшее лицо, глаза заблестели от слёз удовольствия и любви! Он схватил юношу за руку обеими руками и горячо благодарил Бога за то, что Он позволил ему ещё раз увидеть лицо своего “дорогого мальчика”!

- Но как же это произошло? - воскликнул Робин с радостным удивлением.

Глухой скорее прочёл вопрос в глазах Робина, чем уловил его смысл из слов, которые он едва мог расслышать. - Доктор Мертон — благослови его Господь! — привёз меня сюда и обещал позаботиться о бедном старике. Он велел мне сказать тебе... - Эйлмер сделал паузу и прижал руку к морщинистому лбу. Память изменяла ему. - Он велел мне сказать тебе, что этими утешениями я обязан тебе. Я не могу вспомнить всё, что он сказал, но я очень хорошо знаю, что он закончил словами: “Не покидай друга твоего и друга отца твоего”.

Глава V.

Запретная зона.

“Сын мой! если будут склонять тебя грешники, не соглашайся” (Прит.1:10).

В воскресенье после обеда Джозеф Эштон бездельничал на улицах Лондона. Утром он был в церкви и вёл себя там как тихий, внимательный ребёнок. Домой он принёс текст для бабушки, а также выучил два стиха из Библии. Джозеф не был неверующим, в церкви он часто казался очень набожным, особенно когда слышал музыку гимна. Бабушка считала его послушным и любящим. Она искренне надеялась, что её любимый внук вырастет истинным слугой Господа. Но, увы! Доброта Джозефа часто была подобна утренней росе, она не выдерживала жаркого солнца искушения. Он был подобен странному существу, называемому хамелеоном, которое меняет свой цвет в зависимости от окружающих его предметов. Джозеф менял своё поведение в соответствии с окружающими людьми. Он научился многим хорошим вещам как дома, так и в школе, но ещё не научился говорить: "Нет"!

Джозеф стоял на обочине дороги, беззаботно глядя на толпы, проходящие перед ним. Он наблюдал за усталыми лошадьми омнибуса, тащившими свои тяжёлые грузы. Неужели им не могут дать ни одного дня отдыха? За своими соблазнительными прилавками стояли продавцы сладостей, бедные и часто невежественные. Они не задумывались, что делают дело лукавого, ведя других ко греху! *«Какая польза человеку, если он приобретёт весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?»*

Что подумают эти бедные грешники о своих жалких доходах, о кучках монет, собранных в воскресенье, когда предстанут перед Судьёй живых и мёртвых! О, если бы кто-нибудь вовремя предупредил их. Кто бы убедил их, что Тот, в Чьих руках всё сущее, щедро вознаградит их здесь и в будущем за всё, от чего они могли бы отказаться ради Него. Лучше, гораздо лучше, бедность, чем грех. Великое счастье - уповать на милость Бога, который знает и вникает в их нужды. «Благословение Господне - оно обогащает и печали с собою не приносит».

Боюсь, что мысли Джозефа были совсем не об этом. Его разум был как раз в том пустом состоянии, которое использует искуситель. Засунув руки в карманы, он стоял, прислонившись к железному столбу, на котором висел фонарь. Сзади к нему подошли двое его школьных товарищей, Джек и Томас.

- Послушай, Джозеф, - произнёс Джек, хлопнув его по плечу, - у тебя есть мелочь?

- Мелочь? Да. А почему ты спрашиваешь?

- Я подумываю о розовом прянике на том прилавке — это самая приятная вещь в мире. Вчера я поделился с тобой своими пряниками, так что будет справедливо, если сегодня угощаешь ты.

- Я угощу тебя завтра, - сказал Джозеф, живо помнив впечатляющие слова священника в то утро, когда он повторил заповедь Всевышнего: "Помни день субботний, чтобы соблюдать его свято".

- Завтра? Нет, так не пойдёт! Мы хотим сегодня!

- Ты же не хочешь сказать, что твоя старая бабушка вбила тебе в голову глупые фантазии о том, что неправильно покупать сладости в воскресенье? - насмешливо воскликнул Том.

- В следующий раз она скажет, что есть их тоже грех! - засмеялся Джек.

Джозеф покраснел, как будто было что-то постыдное в том, чтобы слушаться бабушку или повиноваться Богу. Он стоял, неловко и нерешительно звеня монетами в кармане.

- Давай, покупай! - воскликнул Джек. - Будь хорошим мальчиком. Я уверен, что никто не выдаст тебя твоей бабушке.

- Я бы не держался за её фартук, как младенец! - сказал Том. — Ты только посмотри на прилавок, разве не заманчиво?

Конечно, это было очень заманчиво, и бедный Джозеф был из тех, у кого не хватало мужества устоять перед искушением. Он отдал свою мелочь за розовый пряник, который разделил со своими товарищами. Получив всё, что хотели от своего школьного товарища, они небрежно побрели прочь.

Джозеф ел свою часть пряника, чувствуя себя неловко от сознания того, что поступает неправильно. Он не достиг ещё той ужасной жестокости сердца, которая

приходит от долгой практики греха. Неожиданно к нему подошла леди, которая преподавала в воскресной школе, в которой он учился. С первого взгляда она узнала мальчика, который был её любимцем. Его пристыженный взгляд и близость ларька, в котором он покупал, показали миссис Грэм, что он нарушил субботу.

- Стоит ли грешить из-за какого-то удовольствия? - тихо спросила она, проходя мимо. Как ни мягко были произнесены эти слова, они, казалось, оставили после себя жало. Недолгое наслаждение сладостью быстро закончилось. Его чувства были настолько неприятными, что едва ли можно было сказать, что он вообще испытывал удовольствие. Джозеф вернулся домой недовольный и пристыженный. Он знал, что поступил грешно и пренебрёг предупреждением в Библии: «Сын мой! если будут склонять тебя грешники, не соглашайся».

Через несколько недель после этого случая миссис Грэм объявила о своём намерении устроить для детей праздник. У неё была красивая загородная дача всего в нескольких милях от города. Она пригласила учеников провести половину дня на её даче, где будет чай с пирожными. Для поездки всей группы был нанят большой бусик. Поездку в Мейторн-Лодж ждали с огромным удовольствием.

У Джозефа мелькнуло опасение, что, поскольку леди заметила его недавний проступок, он может быть исключён из поездки. Но этого не случилось. Весёлая толпа со смехом и криками забралась в переполненный бусик. Они были как рой пчёл. Среди них не было никого веселее или счастливее Джозефа.

Казалось, что всё дополняло и усиливало удовольствие, доставляемое детям. Погода была не жаркой и не холодной. Восхитительное майское солнце светило ярко, но не обжигало. Живые изгороди пестрели весенними цветами, а луга были усыпаны маргаритками.

Миссис Грэм весело принимала своих юных гостей. На лужайке был накрыт длинный сосновый стол. Посередине появились огромные груды нарезанного торта. Когда весёлые, нетерпеливые дети заняли свои места по обеим сторонам стола, в больших чайниках принесли горячий чай. Доброжелательная леди с улыбкой наблюдала за происходящим, словно разделяя доставляемое ею удовольствие.

- А теперь, - сказала она, когда трапеза закончилась, - я оставлю вас развлекаться. Я знаю, что вам понравится хорошая весёлая игра, а лужайка станет отличной игровой площадкой. Мне остаётся только пожелать, чтобы вы все уважали мои цветы. Пожалуйста не бегайте по моим земляничным грядкам. Эта гравийная дорожка обозначит ваши границы — всё, что за её пределами, запретная зона.

Мгновенно все с готовностью пообещали соблюдать это. Вероятно, каждый намеревался сдержать слово. Леди подумала, что у них не будет большого соблазна нарушить его. Плоды земляники ещё не появились, хотя обилие цветов на низких зелёных кустиках обещали богатый урожай.

Некоторое время не было никаких трудностей в том, чтобы подчиниться предупреждению доброй леди. Цветы на своих стеблях были в полной безопасности, ни одна нога не коснулась грядки земляники. Но, к сожалению, Джек принёс свою битую, и ничто не могло удовлетворить ни его, ни его брата, кроме как поиграть в крикет.

- Если бы у нас было поле для игры, - сказал Эдмунд, - я бы с удовольствием поиграл, но здесь вряд ли достаточно места для такой игры. Очень вероятно, что мяч попадёт в запретную зону. Грядка земляники будет в опасности.

- Обязательно будет, - поддержал Джозеф.

- Я бы хотел, чтобы она была где угодно, только не там! - воскликнул Том, готовя две палки для ворот. - Но я не думаю, что мы причиним какой-либо вред, и я вполне намерен поиграть!

Среди мальчиков мгновенно произошло разделение. Одни решили подчиниться желаниям своей доброй хозяйки, другие последовали собственному развлечению. Я рад сообщить, что большинство ребят решили не рисковать обидеть её. Джек начал опасаться, что вряд ли сможет собрать достаточно компаньонов, чтобы играть в крикет.

- Я удивляюсь вам всем! - воскликнул он. - Это самая отважная игра, и единственная, подходящая для англичан! Ты присоединишься к нам, Джо, я знаю, что ты присоединишься — ты самый лучший игрок!

И снова слабый парнишка сомневался и колебался, боясь поступить неправильно, но не имея мужества поступить правильно. Гораздо охотнее он присоединился бы к своим товарищам, играющим сейчас в “охоту на кольцо”; но рука Джека лежала у него на плече. Том смеялся над его угрызениями совести. Оба убеждали его присоединиться к ним. Борьба закончилась для него так, как заканчивалась обычно — он не смог противостоять уговорам других.

Джозеф был очень успешен в своей игре. В удовольствии и волнении от игры он совсем забыл о земляничной грядке. По ходу игры его позиция в ней изменилась. Теперь он был одним из тех, кто стоял, чтобы поймать мяч. Джозеф с нетерпением следил за успехами своей стороны, готовый, как борзая, броситься вперёд, если потребуется. Сильный удар Джека, отправил мяч прямо в середину земляники! Юный игрок мгновенно бросился за ним. От его быстроты зависела вся игра. Когда Джозеф достиг мяч, его нога поскользнулась, и он упал. В этот самый момент миссис Грэм и группа леди, вышли из дома, чтобы понаблюдать за игрой. Они остановились у края цветника!

- Надеюсь, ты не повредил себе! - сказала одна из леди когда, тяжело дыша раскрасневшийся Джозеф поднялся на ноги.

- Он очень повредил себе, - ответил недовольный голос миссис Грэм. Джозеф не осмеливался поднять глаза. - Тот, кто пренебрёг моим предупреждением в тот самый момент, когда испытывал мою доброту, умышленно ослушался моего приказа, не может ожидать большего снисхождения с моей стороны. Я пришла с ещё одним приглашением для молодых друзей, которые посетили меня сегодня. Я намеревалась пригласить их всех вернуться сюда снова, когда под летним солнцем созреет эта земляника. Они смогут собирать её для себя. Но, что касается Джозефа, он уже получил больше, чем свою долю - в цветах, которые он уничтожил. Они теперь не смогут принести плодов, поэтому нет смысла в его приходе. Он не будет даже смотреть, как другие наслаждаются тем, что могло бы быть его. Если бы он мог научиться долгу послушания!

Затем настало время Джеку и Тому выйти вперёд и честно признать свою долю вины. Но я обращаюсь к тем, кто, подобно Джозефу, легко поддаются уговорам

других, соблазняющих их поступать неправильно. Даже если товарищи, которые вовлекли их в беду, пытается помочь им выбраться из неё. Оба брата молчали и на этот раз избежали наказания, которое, несомненно, рано или поздно настигает тех, кто упорствует и восстаёт против всего святого. Сердце Джозефа сжалось, горло сдавило. Быть таким опозоренным перед всеми и лишиться удовольствия, которым он так бы наслаждался! Но наказание было справедливым. Всё удовольствие дня превратилось в горечь.

Миссис Грэм увидела его расстроенный вид, и её нежное сердце пожалело мальчика, хотя она отлично понимала, насколько важным может оказаться для него этот урок на протяжении всей его будущей жизни. Он должен научиться стоять на правильном твёрдо. Однако она последовала за ним, когда он печально направился в более уединённую часть сада. Когда она приблизилась и положила руку ему на плечо, он вздрогнул, потому что не слышал её бесшумных шагов.

- Ты очень сожалеешь о том, что произошло, Джозеф? Я вижу, что ты сожалеешь. Тебе очень жаль, что ты огорчил друга и лишился удовольствия.

Джозеф потупившись смотрел в землю, в то время как его глаза постепенно наполнялись слезами. - Они заставили меня это сделать! - наконец тихо пробормотал он. Не обращая внимания на его возражения, леди продолжила: - Я бы охотно не обратила внимания на твою вину, если бы это было впервые из того, что я заметила. Но прошло совсем немного времени, и у меня появились основания полагать, что ты виновен в более серьёзном преступлении. Сейчас ты ослушался только земного друга — тогда ты нарушил священный закон самого Бога. В настоящее время ты лишил себя небольшого удовольствия. Но кто может сказать, как велика будет потеря, как в этом мире, так и в следующем, для того, кто умышленно оскверняет святой день Господа, Творца неба и земли?

- Они меня заставили! – снова пробормотал парнишка.

- Да простит их Бог за то, что они искушают слабого брата, но их вина не оправдывает тебя. Что бы ты сказал о солдате, которого можно было бы убедить перейти на сторону врага? Или о подданном, который из страха перед смехом или шуткой мог предать дело своего короля? Проси у Господа сил твёрдо стоять на том, что правильно, даже если ты один должен защищать его. Не бойся ничего, кроме неудовольствия святого Бога. Соблюдай Его день и обнаружишь, что он принесёт богатые плоды мира и радости. «Не следуй за большинством на зло» и когда грешники соблазняют, не соглашайся. Сейчас они могут посмеяться над твоими сомнениями и угрызениями совести, но они не могут ни оправдать твой грех, ни спасти тебя от наказания в страшный день суда.

Глава VI.

Тучи и солнышко

“Ожидание праведников - радость, а надежда нечестивых погибнет” (Прит.10:28).

- Будет дождь, говорю тебе! Будет дождь! - воскликнула Присцилла. - Он всегда идёт, когда хочется, чтобы была хорошая погода! Можешь не надевать шляпку, Люси; сегодня мы не будем кататься на лодке.

- Дождя нет ни капли — трава совсем сухая, - ответила Люси, в двадцатый раз подбегая к двери.

- Но водоросли, которые там висят, довольно мягкие и влажные, и это верный признак дождя. Только посмотри на эти чёрные, тяжёлые облака!

- А ты посмотри на тот милый маленький кусочек ярко-синего неба между ними! Я думаю, Присцилла, что ты всегда высматриваешь облака. Я их вообще не замечаю, пока не начнётся дождь!

- Всё потому, что ты легкомысленная, глупая малышка! - заметила сестра с какой-то презрительной жалостью.

- Что ж, я рада, что я не такая мудрая, как ты. Я бы предпочла быть весёлой, чем мудрой, - ответила смеющаяся Люси.

На этот раз, однако, оказалось, что старшая сестра ошиблась. Голубое пятнышко в небе, к радости Люси, становилось всё больше и больше, ярко светило солнце. Больше не боясь погоды, обе девочки отправились в сторону пристани. Туда они шли, чтобы встретиться со своим дядей, лодочником. Он обещал им плавание в Портсмут, где он должен был показать им причалы и угостить пирожными. Так как девочки родившиеся и выросшие на острове Уайт, никогда раньше не были в Англии, они обе с нетерпением ждали этой поездки. Чувства их, в соответствии с их разными склонностями, были совершенно разными. Люси была в восторге от мысли об удовольствии, а Присцилла боялась, как бы что-нибудь не помешало их наслаждениям.

Часть расстояния они сократили, пройдя через пустошь. Там было просто прекрасно! Земля вся была украшена полевыми цветами.

- Мне очень нравится этот путь! – воскликнула Люси. - На лугах растут такие красивые растения, что, если бы я не очень спешила, то собрала бы по дороге великолепный букет!

- Мне совсем не нравится эта тропинка, - ответила старшая сестра, - она такая узкая, что того и гляди, что зацепишься за колючки.

- Ах, Присцилла! Ты всегда высматриваешь колючки! Я никогда не думаю о них, пока не окажусь среди них.

- Это потому, что ты глупый, легкомысленный ребёнок! - презрительно ответила Присцилла.

Из этого короткого разговора легко понять, что какой бы мудрой Присцилла ни была в глазах других людей или в своих собственных, она не была приятным компаньоном. Её считали очень разумной девочкой, обладающей не по годам

здравым смыслом. В некоторых отношениях она заслуживала такой характеристики. Она была мудра в том, чтобы держаться подальше от нехорошего общества, была мудра в выполнении своих повседневных обязанностей и в том, чтобы не ожидать слишком многого от мира. Но она не была мудрой, бросая тень уныния на то, что Провидение намеревалось сделать светлым. Она не была мудрой, встречая несчастье на полпути, всегда смотря на тёмную сторону каждого события. Казалось, что она считала почти грехом быть счастливой! По правде говоря, впадая в противоположную крайность, Присцилла была такой же глупой, как и её сестра. Одна, жаждущая удовольствий, часто встречалась с разочарованием. Другая, боясь разочарования, почти вообще не знала удовольствий.

Между ними существовала такая же разница в вопросах веры, в которых они обе были тщательно наставлены. Люси слишком легко увлекалась развлечениями. С горячим сердцем, но с легкомысленным и беспечным отношением, она часто, пренебрегала Библией, ради мимолётного развлечения. Присцилла никогда не забывала ни о чтении Библии, ни о молитве; но и то, и другое слишком часто было просто формально. Она ни за какое искушение не стала бы работать, покупать или продавать в воскресенье, но никогда не считала это удовольствием. Присцилла совершенно отбросила заповедь Библии: «Радуйтесь всегда в Господе; и ещё говорю: радуйтесь», в то время как её сестра в своём беспечном веселье забыла, что также написано: «Радуйтесь с трепетом». Одна девочка слишком мало знала о страхе Господнем; другая была незнакома с Его любовью.

Наконец сёстры достигли берега и увидели перед собой сверкающие морские волны. На воде стояли на якоре большие военные корабли. Маленькие лодки качались на солнечном приливе, некоторые неуклонно двигались, когда их вёсла поднимались и опускались. Другие стремительно неслись грациозным движением, как бабочки, расправляющие свои серебряные крылья. Среди множества лодок, которые курсировали, и тех, что были привязаны к причалу, Присцилла и Люси тщетно искали "Наутилус", принадлежавший их дяде. С озабоченными лицами они двигались вдоль берега, то и дело с их губ срывались нетерпеливые восклицания. Неожиданно к ним подошёл старый друг их дяди, которого они уже видели несколько раз.

- Настроены на катание, да? - спросил старый моряк, подходя к ним. - Сегодня вы не увидите "Наутилус". Этим утром ваш дядя был нанят джентльменом, чтобы отвезти его в Андерклифф на своей лодке. Я подозреваю, что у них будет отвратительная прогулка, - добавил он, поворачивая своё обветренное лицо к морю. - Он попросил меня подождать вас здесь и рассказать вам, почему он не мог вас покатать по воде. Поскольку он подумал, что вы можете быть немного разочарованы, то оставил вам по шиллингу, чтобы всё исправить.

Слёзы брызнули из глаз маленькой Люси. Она отвернулась, чтобы моряк их не увидел. Всегда радостная перспективе удовольствия, она никогда не могла смириться с его потерей. Каждое маленькое разочарование казалось ей настоящим и серьёзным несчастьем. Присцилла выказала меньше досады из-за потери своей экскурсии, хотя и взяла шиллинг с недовольным видом. Её первые слова, когда она повернулась, чтобы идти обратно со своей сестрой, были столь же несправедливы, сколь и неблагодарны тому благому Провидению, которое даёт нам так много, чтобы наслаждаться.

- Я знала, что так и будет! Так всегда бывает! Если ожидаешь большого удовольствия, то обязательно приходит разочарование!

- Как странно и нечестно со стороны дяди! - сказала Люси, все ещё плача. - И подумать только, что эти глупые шиллинги могут восполнить потерю такого восхитительного удовольствия!

- Нам лучше идти быстрее, - заметила её благоразумная сестра, - твой голубой кусочек неба теперь совсем исчезает.

- И эти колючки ужасно цепляются, - раздражённо добавила Люси. Пытаясь поспешно освободиться от ежевики, она сделала большую дыру в своём платье.

- Жизнь кажется полной облаков и колючек, - заметила Присцилла тоном человека, сознающего, что произносит очень мудрое изречение. - Надеяться найти в ней что-то другое - глупость, годная только для маленького ребёнка. А вот ещё и капля дождя! Да, ещё и ещё, и такие крупные! Это огромное облако собирается пролиться прямо над нашими головами! Как всегда бывает, поблизости нет места, где мы могли бы укрыться.

- О, на этот раз ты ошибаешься! Вон коттедж Берты! Он немного, совсем немного в стороне от нашего пути, и я уверена, что добрая женщина радушно нас примет.

Туда и побежали две маленькие девочки под дождём, который теперь лил как из ведра. Внезапная вспышка молнии ускорила их шаги, пока, разгорячённые и запыхавшиеся, они не замедлили шаг, приблизившись к аккуратному маленькому коттеджу. Внутри пел женский голос — слабый, дрожащий голос, в котором почти не осталось мелодичности. Но его интонации звучали искренно. Они исходили из благодарного и счастливого сердца.

Довольствуясь этим, я большего не прошу,
Твоего попечения вполне достаточно;
Больной или здоровый, богатый или бедный,
Всё хорошо, если Ты со мной!

Нетерпеливый стук девочек прервал гимн, и добрый голос пригласил их войти. Внутри дом был чистым и опрятным, но его вид свидетельствовал о крайней бедности. Часы, которые когда-то весело тикали на побеленной стене, исчезли со своего места. У камина не было кресла, а с деревянной полки исчезло много ценных семейных реликвий старинного фарфора. Бледная, болезненного вида женщина лежала на кровати, которая теперь была почти единственной мебелью в маленьком жилище. Её лицо казалось измученным болью и голодом, но на нём было спокойное, полное надежды выражение.

- Можно мы немного здесь подождём, пока закончится гроза? - спросила Присцилла, входя в коттедж.

- Сердечно приветствую вас! - ответила Берта. - Я только собиралась посетовать на дождь, так как сильно страдаю от сырости, но я была неправа. Сегодня дождь привёл ко мне двух посетителей, и это настоящее удовольствие в моём уединённом месте.

- Боюсь, вам очень плохо, - сказала Люси, ласково подходя к ней.

- В настоящее время я совершенно измучена ревматизмом, моя дорогая, и так вот в течение последних шести недель. Я едва могу подняться с постели.

- Какая пытка так долго лежать на кровати! - воскликнула Присцилла, которая кое-что знала о болезни.

- Какое счастье иметь хорошую кровать, на которой можно лежать! - ответила страдальца с терпеливой улыбкой.

- Но вы скоро поправитесь и снова сможете работать, - сказала Люси с добрым интересом во взгляде.

- Я надеюсь, если Господу будет угодно, - ответила Берта.

- Ах! - воскликнула Присцилла. - Осмелюсь предположить, что вы всё время вашей болезни только и надеялись.

- Я всегда лелею надежду, моя дорогая.

- Тогда вы разочаровываетесь каждый день своей жизни.

- О нет! - радостно ответила больная женщина. - Моя надежда тверда и надёжна и никогда не подвергается разочарованию.

- Это невозможно! - возразила Присцилла.

- Пожалуйста, поделитесь своим секретом! - попросила Люси с воодушевлением. - Я тоже всегда надеюсь, но я так часто обнаруживаю, что никогда не могу получить то, на что надеюсь.

- Мой секрет очень простой, - ответила Берта. - Я прошу Господа, ради Его благословенного Сына, дать мне всё, что для меня хорошо. И я надеюсь, даже более чем надеюсь, я уверена, что Господь слышит и исполнит мою молитву.

- И Он посылает вам нищету и страдания, - заметила Присцилла.

- Я твёрдо верю, что и бедность, и страдания посылаются для моего блага. Я не буду страдать ни на минуту дольше, чем Небесный Отец допустит. Он знает, что лучше для Его дитя.

- И всё же вы, должно быть, сейчас очень несчастны, - сказала Присцилла, оглядывая почти пустое жилище, и его страдающую обитательницу.

- Несчастлива? О нет, это неподходящее слово для христианина! Когда я думаю о том, чего заслуживаю, а затем обо всём, что мне подарено, я уверена, что быть несчастной - грех.

- Грех! - удивлённо повторила Присцилла. - А что у вас есть, чтобы чувствовать себя по-другому?

Есть утешение даже на этой земле. Я ещё ни разу не оставалась совсем без пищи. Бог до сих пор снабжал меня насущным хлебом. У меня есть крыша над головой, и несколько добрых друзей. Есть Друг, — тут она положила руку на Библию, — Который освещает солнечным светом самое мрачное испытание. Мой слух и зрение сохранены — какое это великое благословение! Меня посещают приятные мысли, которые подбадривают меня, пока я лежу, страдая от боли. Я верю, что через моего Спасителя мои грехи были прощены. Я верю, что каждый час приближает меня к дому, где больше не будет ни горя, ни слёз, ни боли. Разве это не повод для счастья? Я верю, что мой милостивый Бог со мной даже здесь, чтобы поддержать моё мужество и уберечь меня от падения. Вы хотите, чтобы я перечислила милости? Хорошо, я могу поблагодарить Того, Кто даровал мне всё это! «Бог мой - скала моя; на Него я уповаю; щит мой, рог спасения моего, ограждение моё и убежище моё!» -

При этих словах слёзы наполнили её глаза, но это были не слёзы печали. – «Ожидание праведников – радость».

Присцилла вздохнула. Она сравнила свою судьбу с судьбой этой бедной женщины. Сравнила своё раздражительное недовольство, безжалостное, бессердечное отношение с любящим, благодарным, счастливым духом Берты. Она почувствовала себя смущённой и униженной в своих собственных глазах.

- Дождь кончился, - сказала она, поворачиваясь к двери. - Мы вам очень признательны, Берта, и я подумаю над тем, что вы сказали.

Люси приблизилась к сестре и прошептала ей несколько слов, одновременно вложив что-то ей в руку. – Скажи ты за меня, - только и можно было слышать. Улыбка Присциллы была ярче, чем обычно.

- Так случилось, что нам дали немного денег, - сказала она, подходя к Берте. - У нас самих нет особой нужды, и мы были бы очень рады, если бы вы потратили их на то, что вам необходимо.

- Да благословит вас Всевышний за вашу доброту, дорогие дети! - воскликнула Берта, сжимая руки. - Это Он послал вас сегодня ко мне. Он знает, что у меня в хижине не осталось ни крошки, и что у меня не было никакой возможности приобрести что-то. Он ответил на мои молитвы. Я надеялась на Него, и Он не обманул моих надежд. Но я не могу лишить вас обоих шиллингов, - добавила она, - это слишком много...

- О нет! - воскликнула Присцилла. - Мы ни за что не прикоснёмся к этим деньгам!

- Присси, - весело сказала Люси сестре, когда они спешили по мокрой тропинке. Они не жаловались, когда их башмаки увязли в грязи, а с деревьев сыпались капли влаги. – Я даже рада, что наше развлечение не состоялось. Я думаю, что в конце концов это хорошо.

- Да, и я рада, что разразилась гроза, хотя мы её так боялись.

- Я думаю, что если бы мы смотрели на вещи так, как смотрит бедняжка Берта, мы нашли бы многое, что могло бы нас порадовать.

- Были бы рады и благодарны, - добавила Присцилла.

- Теперь, ты меньше думаешь о колючках и облаках!

- Я вижу, что земные радости и печали идут вперемешку, как прекрасные полевые цветы с ежевикой. Мы не должны слишком заботиться об одном и беспокоиться о другом. Когда по небу катятся тёмные тучи, мы всё же знаем, что над ними всегда есть голубое небо. Мы можем смотреть на все беды с уверенной радостной надеждой.

- Давай отнесём Берте что-нибудь покушать? Она ведь не сможет встать, чтобы сходить в магазин?

- О, это будет ещё радостнее! Давай! – И девочки бросились бежать домой.

“Ожидание праведников - радость,” – сказала Люси.

Глава VII.

Эпидемия.

“Глупые смеются над грехом” (Прит.14:9).

- Какая ужасная буря разразилась! - сказал учитель Торн ученикам. Отпустив их после школьных занятий, он обнаружил, что они столпились на крыльце, боясь выйти под проливной дождь. Крупные, тяжёлые капли дождя, смешиваясь с градом, танцевали на мокром коричневом тротуаре. – Ребята, возвращайтесь в класс, там лучше, чем стоять здесь на холоде. Развлекайтесь как хотите, пока погода не прояснится, а я займусь чтением.

Мальчишки с радостью воспользовались предложением и начали играть в задней части комнаты. Усталый учитель сел за свой стол, опёрся бледным лбом на руку и попытался, насколько позволяли шум и разговоры, забыть о своей усталости за чтением.

Вскоре, однако, он обнаружил, что не может не слышать происходящего. Его взгляд скользил по странице, но разум не мог понять её смысла. Он слишком сильно любил своих учеников, чтобы думать, что его забота о них должна заканчиваться с часами учёбы. Он смотрел на бессмертных существ, вверенных его попечению, как на тех, за кого он должен однажды отчитаться перед своим и их Богом.

- Нет, нам это уже надоело! - раздался голос Бэта Найланда, когда была предложена игра. - Я знаю кое-что, что доставит нам гораздо больше удовольствия. Давайте поиграем в разбойника с большой дороги и судью!

- Что это? Как это? – раздалось голоса со всех сторон.

- Ну, это то, что я видел в театре, о хитром воре, ограбившем судью. Только подумайте — ограбление судьи! - Последние слова пронесли по классу с различными оттенками веселья и удивления.

- Вы всё об этом узнаете, но сначала мы должны распределить роли. Ты, Пэт, будешь вором, а я буду судьёй — нет, ты будешь судьёй, а я вором! - Его прервал взрыв смеха.

- Да успокойтесь же вы! Кто будет полицейским?

- Я! Я! – раздалось несколько голосов, желающих участвовать в игре.

- Так, Сэм, ты будешь толстой хозяйкой, — снова раздался взрыв хохота, громче, чем раньше. — Ты должен знать, что вор пьяный, за это его должен схватить полицейский. Он шатается из стороны в сторону. - Среди возобновившегося веселья детей Бэт стал подражать нетвёрдым движениям пьяного человека. — И когда они схватят его, он произнесёт ужасные проклятия ... вы услышите всё это так же, как слышал я.

- Надеюсь, что нет, - тихо сказал Торн, поднимая глаза от книги. Ребята на мгновение притихли. Они почти забыли о присутствии своего учителя.

- Почему, сэр, вы думаете, что в этом есть какой-то вред? - спросил Бат. — Если мы немного посмеёмся над ними, от этого мы не станем ворами.

- Это уменьшает ваш ужас перед их преступлением. Вы помните слова из Библии: «Глупые смеются над грехом». Можете ли вы представить себе истинное дитя Божье, смеющееся над воровством, пьянством и руганью?

В комнате воцарилась глубокая тишина.

- Я полагаю, что это одна из причин, по которой театры являются одним из самых плодотворных источников порока и гибели для тех, кто их посещает. Нечестие, вместо того чтобы казаться ненавистным, как о нём говорится в Слове Божьем, делается забавным, а иногда даже привлекательным. Те, кто добровольно становится на путь развращения такими зрелищами, только насмеются над Святым, когда молятся, «Не введи нас в искушение».

- Но, - продолжал учитель более весёлым тоном, - если я остановил ваше развлечение, будет справедливо, если я развлеку вас другим способом. Я слышу, что дождь ещё не прекратился. Что бы вы сказали, если бы я рассказал вам историю?

- Историю! Историю! - повторили ученики, образуя небольшой кружок вокруг своего учителя. Где на земле можно найти детей, которых это слово не привлекает?

- Это было очень, очень давно, - начал Торн, - почти двести лет с тех пор, как в Лондоне свирепствовала страшная чума. Ничто из того, что мы видели в наши дни, не может дать представления об ужасах того времени. Говорят, что от этой ужасной болезни погибло почти семьдесят тысяч человек! Некоторые источники приводят цифру даже в девяносто тысяч! Ближайшие родственники боялись друг друга.

У человека проявлялись симптомы, свидетельствующие о том, что болезнь поразила его — опухоль под мышками, боль в горле и чёрные пятна были признаками чумы. Даже слуги в ужасе убегали от своих господ. Если не находилось кого-нибудь, кто помог бы страдальцу из любви, более сильной, чем страх смерти, он был оставлен умирать в одиночестве. Чума была ужасно заразной. Когда дверь была отмечена крестом, знаком того, что страшное бедствие вошло в дом, его избегали все, кроме водителя повозки для мертвецов. Это был мрачный транспорт, который медленно двигался по тихим улицам, чтобы увезти тела умерших от ужасной болезни!

- И Лондон оказался в таком ужасном состоянии? - воскликнул Бат. - Это, должно быть, было в тысячу раз хуже, чем холера!

- То, что я рассказываю вам - абсолютная правда. Однако судите сами, так ли это из того, что я собираюсь рассказать.

- В то время, когда свирепствовала чума, в небольшом доме жила вдова с пятью маленькими детьми. Она любила их самой нежной, самой искренней любовью. Они были единственными, кто остался у неё в этом мире. С первого появления чумы в Лондоне её сердце было полно болезненной тревоги. Она гораздо меньше беспокоилась о себе, чем о них. Решив принять все человеческие меры предосторожности, чтобы уберечь своих малышей от опасности, она запретила им выходить из дома. Сама она покидала его только для того, чтобы добыть еду, держа перед лицом носовой платок, смоченный в уксусе, чтобы уберечься от инфекции насколько это возможно. Её тревога стала ещё более мучительной, когда однажды утром она увидела на двери дома напротив роковой знак, а под ним мелом были написаны трогательные слова: "Господи, помилуй нас!"

- В тот день мать была вынуждена пойти за хлебом. Она покинула свой дом с очень тяжёлым сердцем. Серьёзно посмотрев на каждого из своих детей, чтобы убедиться, что они все ещё выглядят здоровыми, она повторила свой приказ, чтобы никто не выходил. Мысленно мать вознесла молитву о том, чтобы Всемогущий сохранил их во время её отсутствия.

- Торопливыми шагами она возвращалась к своему дому, содрогаясь при воспоминании о зрелищах ужаса, которые видела во время своего пути. Вдруг мать с ужасом увидела, что её старший сын играет на самом пороге заражённого дома. Кусочком мела он пытался изобразить ужасные знаки на двери!

- Маленький идиот! Он, должно быть, не соображал! Что бедная мать сделала? - посыпались восклицания из уст слушателей Торна.

- Охваченная гневом и горем Она не могла произнести ни слова. Мать схватила его за руку и потащила в свой собственный дом с чувствами, которые может понять только мать. Она обнаружила, что четверо других её детей собрались в маленькой гостиной, развлекаясь — вы не представляете во что! Играли в чуму!

- О нет, нет! - закричали в один голос дети. - Вы сказали нам, что мы должны судить, правдива ли эта история, и мы уверены, что это не может быть правдой!

- Почему вы так решили? – спросил учитель.

- Потому что, - начал Бэт, отвечая за остальных, - чума была слишком ужасной вещью, чтобы шутить над ней! Как раз в то время, когда их мать была так встревожена, когда тысячи людей вокруг них умирали, — нет, нет! это было бы слишком ужасно. Они не могли превратить чуму в игру!

- И всё же, что делали мои ученики десять минут назад? Они разыгрывали гораздо худшую болезнь, чем чума, — смертельную болезнь греха! Его пятна чернее, а боль, которую он причиняет, ужаснее. Часто он вызывает смерть тела и, за исключением тех случаев, когда в нём раскаивались и оставляли, бесконечную смерть души! О, дети мои! Возможно, вам выпадет жребий, как и той матери, быть вынужденным выйти и встретить опасность. Возможно Всевышний, сочтёт благом поместить вас в ситуации великого искушения; и если это так, примите все меры для защиты своих сердец верой, бдительностью и молитвой. Но никогда умышленно не поддавайтесь искушению! Не играйте на пороге заражённого дома! Не шутите с опасностью, которой можно избежать! Когда вы склонны легкомысленно думать или легкомысленно говорить о том, что принесло в мир разрушение и смерть, помните, что глупцы насмеются над грехом. Чтобы освободить нас от его ужасной болезни и фатальных последствий, которые она приносит, стоило Вечному Сыну Всевышнего слёз, крови и даже самой жизни!

Глава VIII.

Зелёное бархатное платье.

“Лучше блюдо зелени, и при нём любовь, нежели откормленный бык, и при нём ненависть”. (Прит.15:17).

- Поплотнее закутайся в свой плащ, моя девочка, потому что сегодня ветер очень холодный. Вот — смотри — тебе будет лучше с моей шалью под ним.

- Мама, но ведь у тебя же ревматизм...

- Он почти не беспокоит меня, Дженни, и я не на холоде, - сказала бедная женщина, помешивая несколько тлеющих углей, которые едва ли создавали даже видимость огня.

- И возвращайся поскорее, Дженни, - крикнул бледный босоногий мальчик, выбегая из угла. - Я надеюсь, что леди не задержит тебя надолго.

- Томми, я поищу для тебя ранние фиалки.

- Нет, мне не нужны фиалки, я хочу, чтобы ты поскорее вернулась! - Маленькие тонкие ручки обвились вокруг шеи сестры, а губы ребёнка прижались к её щеке.

- О Томми! Я бы хотела быть знатной леди и чтобы у меня было много денег! Тогда бы у тебя было много мяса и всякой вкусной пищи, чтобы ты снова стать сильным и здоровым!

- И новые туфли! - добавил мальчик.

- И жаркий огонь, и...

- Тише, дети мои! - мягко сказала мать, - и не позволяйте своим мыслям устремляться за тем, что Всемогущий Бог не счёл нужным дать нам. В нашем маленьком домике у нас много благословений. Я всегда говорю, что три главных из них - солнечный свет для глаз, надежда для сердца и любовь в доме - даются даром для бедных, как и для богатых.

Резкий, пронизывающий холод мартовского ветра, бросавший ледяной дождь со снегом ей в лицо, не способствовал тому, чтобы маленькая Дженни разделяла довольство своей матери. Она спешила вверх по длинному холму, придерживая шляпку, чтобы не снесло её ветром. Девочка жалела, что у неё нет лучшей защиты от ветра, чем тонкий плащ и поношенная, потёртая шаль матери. Она должна была зайти в дом модистки, для которой привыкла выполнять поручения и мелкие простые работы. В этот раз нужно было забрать у неё пакет и отнести леди, которая жила в Холле примерно в трёх милях отсюда.

Дженни пришла к модистке, щёки её пылали от физической нагрузки и холода.

- Присаживайся у камина и согрейся, Дженни. Мне нужно сделать ещё один стежок для этой отделки, и платье будет готово. Через пару минут ты отнесёшь его леди Грейндж.

Дженни села и с восхищением наблюдала, как на платье наносились завершающие штрихи. По её мнению, оно представляло собой совершенство красоты и великолепия.

- Даже прикасаться к этому прекрасному мягкому зелёному бархату должно быть одно удовольствие, - подумала девочка, - и каково же носить его! Я не могу представить, чтобы человек в таком платье чувствовал себя несчастным!

Конечно, это была детская мысль, но я знала людей старше Дженни, у которых тоже были подобные размышления. Те, кто страдают от нищеты, склонны забывать, что в мире есть и другие, худшие обстоятельства. Что сердце может биться с такой же тяжестью и под бархатным платьем, как под дырявым плащом.

Платье было закончено, сложено, завёрнуто в полотно и вручено девочке с многочисленными наставлениями нести его осторожно и не мешкать в пути. Этим предупреждениям Дженни добросовестно подчинилась. Она была очень впечатлена важностью своего поручения и тем доверием, которое ей оказали. Размер её свёртка причинял ей некоторые неудобства. Она теперь не могла держать свою шляпку, которая, откинутая ветром на плечи, висела на выцветших лентах. Сильный ветер на этом не успокоился, а яростно набросился на её волосы, растрепав их, насколько возможно. Башмаки Дженни были очень старыми, а дорога крутой и каменистой. У неё болели ноги, и она устала. Но самой большой её бедой были тревожные, недовольные мысли, которые, казалось, переползали в её грудь из свёртка, который она несла.

- Как должно быть хорошо, тепло и уютно в нём! Я не думаю, что леди, которая его будет носить, знает, что значит быть голодной или замёрзшей. Она никогда не устаёт, потому что у неё есть прекрасная карета, в которой можно ездить... О! Как, должно быть, здорово ехать в карете! А потом одеваться как королева и каждый день наслаждаться хорошими вещами! Она, наверное, очень и очень счастлива! Я бы тоже хотела быть леди. У меня на каждый день недели были бы разных цветов бархатные платья. У маленького Томми был бы белый пони, на котором можно было бы кататься! А у мамы... О! Дорогая мама! У неё должно быть всё хорошее, о чём я только могу подумать... У неё никогда не должно быть времени желать чего-либо ещё. Как все мы будем счастливы! Но нет смысла думать об этом, - печально добавила Дженни, когда на вершине холма внезапный порыв ветра чуть не сбил её с ног. - Я никогда не буду ни богатой, ни леди. Мне придётся работать и нуждаться всю мою жизнь...

Дорога теперь вела вниз, в долину, где путь был сравнительно защищён от ветра. Дженни почувствовала эту приятную перемену, хотя вид был не таким величественным и обширным, как казалось с возвышенности. Однако она не была философом, чтобы заметить это, даже если бы знала достаточно о мире. В жизни, как и в природе, самые резкие порывы ощущаются теми, кто стоит на вершине холма.

Дженни наконец добралась до больших ворот. Робким шагом она прошла через парк, где высокие деревья всё ещё безлистные простирали свои ветви. Однако крошечные полевые растения у их стволов уже распускали свои цветы навстречу весне. Перед домом был прекрасный сад. По гладким дорожкам, посыпанным гравием, укутанная в бархат и мех, прогуливалась леди, которая была хозяйкой этого места.

Она остановилась, чтобы поговорить с маленькой посыльной. Её манеры были любезны и мягки; но Дженни не могла не заметить, каким скорбным был её тон.

Когда девочка осмелилась поднять глаза на лицо леди, она увидела на нём выражение скорби и переживаний, которые вызвали чувство жалости, а также удивления. Неужели только на лбу бедных мы видим глубокие морщины скорби? Неужели только щёки бедняков покрыты слезами? Неужели самые весёлые лица те, что смотрят из окон кареты? Может ли богатство заглушить печаль, болезнь, тяжёлую утрату, разлад или смерть?

Леди Грейндж заметила усталый вид Дженни и любезно приказала горничной, которую она вызвала, забрать платье и отвести девочку на кухню, чтобы она могла немного отдохнуть и подкрепиться. Дженни, сделав реверанс, повернулась, и последовала за служанкой. Её внимание привлёк внезапный топот лошадиных копыт. Трое молодых людей, смеясь, и наперегонки поднимаясь по склону, помчались ко входу в Холл. Копыта разрывали хорошо укатанный гравий, и громкие весёлые голоса странно нарушали мирную тишину, царившую несколько минут назад. Двое всадников остановились на небольшом расстоянии от леди, в то время как третий, сидевший верхом на великолепном белом коне, приблизился к тому месту, где она стояла.

- Мама, - сказал он, поглаживая шею своего коня, который грыз удила и бил копытом по земле, словно ему не терпелось снова пуститься в путь. - Мама, я пригласил Джонса и Дрейка к нам на обед.

Дженни в этот момент взглянула на леди Грейндж. На нежном лице появилась озабоченная гримаса. На недавно бледных щеках вспыхнул румянец, что создавало впечатление острого страдания, не без примеси гнева. Что леди Грейндж ответила сыну и ответила ли она вообще, Дженни не знала, потому что горничная повела её на кухню.

Восхитительный, приятный запах пищи; ряды оловянных кастрюль на полках, сверкающих, как серебро; ряды бесчисленных тарелок и блюд — всё поражало её. Но больше всего, огромный веер, медленно вращающийся перед огнём, больше, чем любой, который Дженни когда-либо представляла, на мгновение выбросил всё из её головы. У неё осталась одна мысль, что, должно быть, восхитительно быть очень богатой! Как человек может гордиться, когда у него так много слуг! Некоторые из них выглядят весьма важно, - подумала Дженни, увидев многочисленную прислугу. Одни занимались разными делами, а другие выглядели так, как будто им нечего было делать, кроме как слоняться и сплетничать.

Пожилая женщина в чёрной шляпке и шали сидела за длинным сосновым столом, на котором дородный повар раскатывал аппетитного вида тесто для печенья. Она, как вскоре выяснила Дженни из разговоров, происходивших вокруг неё, была миссис Дейл. Когда леди Грейндж была маленькой, эта женщина была её няней. Теперь она приехала к этой леди в гости. Она не видела её со времени замужества.

- Вы, только подумайте! - воскликнула горничная, которая привела Дженни на кухню. - Только подумайте! Господин Филипп привёл сюда тех двух своих товарищей, которых миссис даже вида не выносит! Они останутся на обед, я ручаюсь, что ночевать они тоже будут здесь! Интересно, что скажет на это хозяин, когда вернётся домой.

- В доме будет очень мало покоя, - заметила кухарка.

- О! Что касается покоя, то в этом месте его не сыщешь! - заметил дворецкий, который, заложив руки за спину, грелся у огня. - Если бы вы слышали всё, что я слышал, и видели всё, что я видел! - и он многозначительно покачал головой.

- Боюсь, моя бедная леди не очень-то утешается своим сыном? - произнесла няня вопросительным тоном.

- Утешается! Ну, я могу только сказать, что вспыльчивость и гневные слова — всё, что она слышит в утешение. Один тянет в одну сторону, а другой в другую. — Отец пытается обуздать сына, сын восстаёт против власти отца. Долги, счета... — сэр Гилберт решил не платить за него ни того, ни другого. В конце концов он вынужден сделать и то, и другое, но это не моё представление о комфорте!

- Господин Филип добьёт свою мать, - сказала горничная. - Вы бы видели, как она рыдает, когда находится в своей комнате!

- В конце концов, господин Филип не такой уж плохой парень, - заметил дворецкий. - Он бы преуспел, если бы ему не посчастливилось родиться наследником большого состояния!

- Ох, его баловали с младенчества, - заметила кухарка.

- Дело не столько в этом, - сказал нравоучительный дворецкий, усаживаясь у огня и откидываясь на спинку стула. Дженни ела холодную пищу, которой её снабдили, не могла не слышать того, что происходило. С удивлением она прислушивалась к непринуждённой и, как ей казалось, бесстыдной манере, в которой обсуждались дела господ на кухне. Её мнение о преимуществе большого количества слуг стало меняться. Её простое, честное сердце возмущалось против их сплетен о личных делах семьи, которой они служили. - Я рада, что у нас есть собственный маленький домик, - подумала девочка. - И что вокруг нас нет людей, которые следят за каждым взглядом, слушают каждое слово и болтают о наших проблемах всем на свете!

- Видите ли, - продолжал дворецкий, обращаясь к миссис Дейл, - вот в чём беда: молодой хозяин узнал, что он очень важная персона в доме, ещё до того, как подрос, чтобы заглянуть на стол. Разве не было фейерверка в его первый день рождения, и не было выпитого за его здоровье в три раза больше, чем на рождественском ужине? Я помню, как он расхаживал с важным видом, издевался над своей няней и разбивал свои игрушки, когда они ему надоедали. Они никогда не радовали его больше одного дня! Когда он стал старше, слишком большим для няни, мать наняла для него наставника. Учитель ему не понравился — зачем наследнику поместья мучиться с книгами и учёбой?

- В доме не было покоя, пока не отослали наставника! Хозяин должен был признать, что мальчик выходит за все рамки. Обладая могучей собственной волей, он никого не признавал и его отправили в школу. Школа пришлась ему не по душе, зачем наследнику мучиться с учёбой? Его вернули обратно после первой недели, чтобы он стал тираном для самого себя и для всех, кто рядом с ним! Так он и рос, ни на что не способный, никогда не заканчивающий того, что начал, не заботящийся ни о чём, кроме как убить время! Он решил поехать в Лондон и хоть что-то увидеть. Итак, он отправился в Лондон, там мошенники столпились вокруг него, как осы вокруг спелой сливы.

- Его научили играть в азартные игры и тратить деньги — к этой науке он был достаточно способным! Наследник такого состояния был птицей, которую стоило

ощипать. Такие дворяне, как те, которых он привёл с собой сегодня, будут держаться рядом с ним, пока останется хоть одно золотое перо! Итак, вы видите истинность того, что я заметил, — сказал дворецкий в заключение. - Худшая удача, которая могла выпасть на долю молодого господина, - это родиться сыном богача. Понимаете, если бы он вынужден был зарабатывать свой собственный хлеб, он бы учился, как мальчик, и работал, как мужчина. Он заботился бы о чём-нибудь ещё, кроме удовольствий. Мошенники оставили бы его в покое, и он, может быть, оказался бы очень уважаемым членом общества.

Миссис Дейл задумчиво покачивала головой. Она была опытна в обращении с детьми и в своей собственной детской всегда старалась поддерживать строгую дисциплину. Но она так же хорошо знала недостатки, которые присущи сыну и наследнику богатого человека. Она посидела несколько минут, обдумывая этот вопрос, как будто выражение её мнения по этому вопросу могло повлиять на будущее избалованного дитя судьбы. Затем, с решимостью человека, который зрело обдумал трудный вопрос и пришёл к удовлетворительному выводу, она сказала: - Если бы я была леди Грейндж, я знаю, что бы я сделала. Я бы отправила мальчика в свой старый дом. Её братья - оба разумные и сильные духом люди, которые не потерпят никакой чепухи. И если бы они не привели юного бездельника в чувство, то я сильно ошибаюсь в этом вопросе.

- Её братья! - воскликнули кухарка и горничная в один голос. - Как, - сказал дворецкий, - разве вы не знаете, что ни один из них никогда не входит в этот дом?

Миссис Дейл в изумлении всплеснула руками: - Леди Грейндж поссорилась со своими собственными братьями? Невероятно!

- Нет! Это не госпожа, а господин. Переживания и страдания, которые она испытала, невозможно передать словами. Я думаю, что она не смеет даже писать своим родным!

- Бедняжка! - воскликнула старая няня, выглядя по-настоящему обеспокоенной. - Ведь они были такой счастливой, дружной семьёй! Наблюдать за ними было одно наслаждение! Мисс Клара была любимицей в доме. Её братья никогда не думали, что смогут расстаться со своей сестрой. Для неё должно быть, настоящее горе не общаться с ними! Как могло такое произойти?

- Видите ли, - сказал дворецкий, положив палец правой руки на ладонь левой. Он понизил голос до более доверительного, хотя и не менее слышимого тона. - Понимаете, всё это было связано с брачным соглашением. Господин думал, что у невесты должно было быть больше денег...

- Пусть потонут все деньги в море! - возмущённо воскликнула миссис Дейл. - Всё золото в мире не стоит мира, единства и любви семьи!

- О! - сказал дворецкий, - в жизни мы не можем не видеть, как часто денежные дела нарушают этот мир, союз и любовь. Кошелёк с одной стороны, сердце с другой, всё зависит от того, выиграет ли кошелёк.

- В этом есть доля правды, - заметил повар. - Моё последнее место было с тремя пожилыми леди, которые жили вместе очень хорошо и комфортно. Они никогда не расставались ни на день, пока кто-то не умер и, к несчастью, оставил им большое состояние. Тут они обнаружили, что их желания и вкусы совершенно разные. Мисс Джемиме нравился город, мисс Джесси - сельская местность, мисс Марте хотелось

на побережье. Одной хотелось путешествовать, чтобы поправить здоровье, другой — чтобы развлечься, - не прошло и шести месяцев, как они разделились, дом их распался и я приехал сюда.

- Ах! - печально воскликнула миссис Дейл. - Деньги не всегда посылаются как благословение, и там, где их используют неправильно, они в конце концов превращаются в проклятие! Есть люди, которые завидуют моей бедной леди, думая, что раз у неё большой дом, прекрасное поместье, красивая карета, она должна быть счастливой женщиной. Но я хорошо знаю, что — если только она не сильно изменилась по сравнению с тем, какой была в детстве — она с радостью бросила бы всё, чтобы увидеть своего сына уравновешенным, разумным, богобоязненным человеком и снова быть счастливой со своими братьями!

Дженни, доев свою пищу, теперь встала и вышла из дома. Она покинула его с мыслями, сильно отличающимися от тех, с которыми вошла в него! Чувство зависти сменилось чувством жалости. Девочка лёгким шагом направлялась к дому, где её ждали добрые улыбки и радушный приём. Она думала, насколько счастливее её собственная участь, чем участь богатой госпожи. Даже платье из богатого зелёного бархата утратило для Дженни свою привлекательность. Оно не было прекраснее свежей травы, по которой она бежала с таким лёгким сердцем.

Теперь ветер дул ей в спину и Дженни больше не чувствовала его пронизывающего холода. Поднялось яркое солнце, разливая вокруг тепло и радость. Дженни не забыла про фиалки для своего младшего брата. - Осмелюсь сказать, - подумала она, наклоняясь, чтобы сорвать цветок из-под большого зелёного листа. - Осмелюсь сказать, что этот милый маленький цветок доставит моему Томми столько же удовольствия, сколько сын богача когда-либо получал от своих позолоченных игрушек. Как глупо было с моей стороны желать богатства! Кто знает, как оно могло бы на меня подействовать! Мама права — лучшие благословения так же бесплатны для бедных, как и для богатых. — Солнечный свет для глаз, надежда для сердца и любовь в доме, что может быть лучше? «Лучше блюдо зелени, и при нём любовь, нежели откормленный бык, и при нём ненависть».

Глава IX.

Ложные друзья.

“Тёрны и сети на пути коварного” (Прит.22:5).

- Филип, твоё поведение чрезвычайно огорчило меня, - сказала леди Грейндж, кладя руку на плечо своего сына, когда они вместе вошли в элегантную комнату, которая была оборудована как её зал. - Ты не мог не знать моих чувств к этим двум проходимцам, я не могу называть их джентльменами, чью компанию ты снова мне навязываешь. Ты должен знать, что твой отец запретил им приходить в этот дом.

- Мой отец закрыл дверь перед лучшими людьми, чем эти, - небрежно сказал юноша. - Возьми в пример моих собственных дядей Генри и Джорджа.

Губы леди задрожали, краска негодования проступила даже на висках. Она попыталась заговорить, но голос подвёл её, и она отвернулась, чтобы скрыть своё волнение.

- Ну, мама, я не хотел тебя расстраивать, — оправдывался Филип. Он был скорее безвольным в своих намерениях, чем ожесточён во зле. - Не стоило приводить сюда Джонса и Дрейка, но... но, видишь ли, я ничего не мог поделать. - Он смущённо играл своим кнутом для верховой езды с золотой ручкой. Его глаза избегали встречи со взглядом матери.

- Они приобрели над тобой какое-то странное влияние, таинственную власть, - ответила леди. - Не может быть, — добавила она с тревогой, - чтобы ты нарушил своё обещание! Они снова завлекли тебя за игорный стол, и ты оказался в долгу у этих людей?

Филип присвистнул и неторопливо подошёл к окну.

Леди Грейндж закрыла глаза рукой, и тяжёлый вздох вырвался из её груди. Филип услышал и нетерпеливо обернулся.

- Нет смысла усугублять положение, - сказал он. - Что сделано, то сделано, и мои долги, какие бы они ни были, не разорят такого богатого человека, как мой отец.

- Это не то, чего я боюсь, — тихо сказала мать, с ужасом сознавая, что её сын - её надежда, её гордость, радость её сердца - вступил на путь, который, если он будет продолжать, закончится его гибелью как тела, так и души. Я трепещу при мысли о страданиях, которые ты навлекаешь на себя. Эти люди делают тебя своей жертвой. Они ослепили твои глаза и набросили на тебя сеть. У тебя нет решимости вырваться из ловушки.

- Они очень приятные, весёлые ребята! - возразил Филип, пытаясь скрыть под маской беспечной весёлости истинное раздражение, которое он почувствовал при словах матери. - Я пригласил их пообедать здесь сегодня, и...

- Я не выйду к столу, - сказала леди Грейндж, выпрямляясь с достоинством, - и если твой отец приедет...

- О! Он сегодня не приедет. Он никогда не приезжает так поздно.

- Но, Филип, — серьёзно сказала леди, снова кладя свою холодную руку ему на плечо. Но своенравный и непослушный сын прервал её.

- Мама, нет смысла говорить что-либо ещё на эту тему! Это только беспокоит тебя и выводит меня из себя. Я не могу и не буду невежливым со своими друзьями! - Поспешно повернувшись, Филип вышел из комнаты.

- Друзья... - еле слышно повторила леди Грейндж, наблюдая, как за её заблудшим сыном закрылась дверь. - Ох! — простонала она, бросаясь на диван и закрывая лицо руками. - Была ли когда-либо мать, или была ли когда-нибудь женщина так несчастна, как я!

Чаша её действительно была очень горькой. Роскошь, окружавшая её, не имела ни малейшей силы подсластить её. Муж её был человеком, обладавшим многими благородными качествами как ума, так и сердца. Но пагубная любовь к золоту, подобная минеральным источникам, которые превращают живые ветки в мёртвый камень, сделала его ожесточённым, сварливым и мирским. Богатство отвлекло его от служения Богу. В словах апостола есть глубокая истина о том, что алчный человек — идолопоклонник. Эта алчная любовь к золоту побудила сэра Гилберта порвать с семьёй своей жены и разлучить её с теми, к кому её любящее сердце питало самую нежную привязанность.

Леди Грейндж страстно желала увидеть свой прежний дом, но золото воздвигло барьер между ней и друзьями её детства. Что же сделало обладание золотом для человека, который сделал его своим кумиром? Оно расставило ловушки на пути его единственного сына. Оно заставило неразумного, но упрямого юношу попасть в ловушку нечестивых ради его богатства. Так охотятся на горностая из-за его богатого меха. Оно возложило на него тяжёлую ответственность, за которую ему придётся отвечать перед судом Небес. От того, кому многое дано, многое потребуется в последний день.

Да, леди Грейндж была очень несчастна. Как она пыталась облегчить бремя своих страданий? Пересчитывала ли она свои драгоценности? Смотрела ли на дорогие и красивые вещи, украшавшие её жилище? Думала ли об экипажах, лошадях и сверкающей посуде или о количестве своих богатых и титулованных друзей? Нет! Она искала утешения там, где его искала вдова Грин, когда её сын был опасно болен, а в доме не было ни кусочка хлеба, ни монеты в кошельке. Богатая мать сделала то же, что сделала бедная — она упала на колени и со слезами излила своё сердце милосердному Отцу.

Она рассказала Ему о своих горестях и о своих страхах. Она просила Его о помощи, в которой очень нуждалась. Её случай был сложнее, чем у вдовы. Визит священника, подарок доброжелательного друга, Божье благословение на простое лекарство вскоре превратили печаль миссис Грин в радость. Страдания леди Грейндж были глубже. Её вера подверглась более суровому испытанию. Она боялась не за тела, а за души тех, кого любила. — Где тот смертный, который может дать нам лекарство от болезни греха?

В то время как мать плакала и молилась, Филип пировал и пил. Бутылки быстро передвигались по кругу, и стаканы наполнялись снова и снова. Величественный банкетный зал оглашался смехом веселья, а по мере приближения вечера - громкими песнями. Было уже поздно, когда молодые люди встали из-за стола. Разгорячённые вином, они широко распахнули окно, чтобы свежесть ночного воздуха охладила их разгорячённые головы.

В спокойном лунном свете парк выглядел прекрасным. Ни малейшее дуновение ветерка не шевелило ветви деревьев. Их тёмные тени неподвижно лежали на зелёном фоне. Вокруг царила совершенная тишина и покой. Но священная тишина природы грубо нарушалась голосами гуляк.

Происшедшим разговором я не стану пачкать свои страницы. Окно выходило на широкий каменный балкон. Усевшись на его перила, молодые люди обменивались историями и шутками. После многих так называемых остроумных выходок, Дрейк напомнил Филиппу о количестве выпитого вина и поспорил, что тот не сможет уверенно пройти от одного конца балкона до другого. Филипп, с безумной гордостью, которая появляется при смешивании крепких напитков, утверждал, что его голова была абсолютно ясной, а способности такими совершенными, как будто он не пробовал ничего, кроме воды. Он заявил, что он мог бы пройти даже по перилам таким же твёрдым шагом, как если бы утром он ступал по гравийной дорожке!

Дрейк рассмеялся и подзадорил его сделать это. Джонс предложил пари десять к одному, что он не сможет.

- Идёт! - воскликнул Филип и в мгновение ока вскочил на парапет!

- Прекрати! - крикнул Дрейк, у которого осталось достаточно здравого смысла, чтобы понять всю глупость и опасность этого пари.

Филипп, казалось, не слышал его. Пытаясь удержать равновесие руками, он медленным и нетвёрдым шагом начал пробираться по высоким узким перилам.

Двое молодых людей затаили дыхание. Для того, кто нетвёрдыми ногами идёт по скользкой грани искушения, чем выше его положение, тем больше опасность. Чем выше он поднимается, тем опаснее падение!

- Он никогда не дойдёт до конца! - сказал Джонс, с некоторой тревогой наблюдая за движениями своего компаньона.

Едва эти слова сорвались с его губ, как они тут же исполнились. Филип не прошёл и половины пути вдоль балкона, как лёгкий звук в саду привлёк его внимание. Он на мгновение взглянул вниз. Там, в холодном, ясном лунном свете, он увидел сурово глядевшего на него отца! От удивления юноша вздрогнул и потерял равновесие. Он пошатнулся, дико замахал руками, чтобы устоять и, с громким криком упал на землю!

От ужаса все пришли в смятение. Повсюду слышались торопливые шаги и беготня, зовущие голоса, громкий звон колоколов - и, душераздирающий крик материнской тоски, проникающий в душу! Джонс и Дрейк бросились в конюшню, сами оседлали своих лошадей и помчались на полной скорости, чтобы вызвать доктора. Они рады были любому предлогу, чтобы сбежать с этого места.

Несчастливого Филиппа отнесли в дом. Его стоны свидетельствовали о тяжести его страданий. Малейшее движение было для него пыткой. Последовал час напряжённого ожидания, до прибытия доктора. Леди Грейндж изо всех сил старалась быть спокойной. Она подумала обо всём и сделала всё, что могла, для облегчения страданий своего сына. Леди даже попыталась сказать слова утешения и надежды своему мужу, который был совершенно ошеломлённым своим горем. Молитва всё ещё была её поддержкой — молитва тихая, но почти непрестанная.

Прибыл доктор и осмотрел травмы, полученные пострадавшим. Прошло много времени, прежде чем Филип, непривычный к боли и неспособный к самоконтролю, позволил принять необходимые меры. Его сопротивление значительно усилило его страдания. Помимо многочисленных ушибов и сотрясения мозга, у него был сложный перелом ноги. Сломанную кость необходимо было поправить. Бледная мать стояла рядом. В пылу своей бескорыстной любви, она страстно желала, вынести агонию вместо своего сына.

Избалованное дитя роскоши болезненно сжималось от боли. Мысль о том, что он сам навлек на себя эти страдания своей глупостью и непослушанием, делало их невыносимыми. Когда доктор наконец закончил свою работу, леди Грейндж удалилась с ним в другую комнату. Стараясь овладеть своим прерывающимся голосом, она задала ему вопрос, от ответа на который, казалось, зависело всё её земное счастье. Есть ли у него надежда, что жизнь её мальчика может быть сохранена.

- Я очень надеюсь, - весело сказал хирург, - если мы сможем снизить температуру. - Впервые с тех пор, как она увидела своего сына, лежащего перед ней, истекающего кровью, мать нашла облегчение в слезах.

Всю долгую ночь она не отходила от постели страдальца, омывая его разгорячённый лоб, утоляя жажду, нащёптывая утешение его беспокойному духу. Вскоре после рассвета Филип погрузился в спокойный, освежающий сон. Леди Грейндж, чувствовала себя так, словно с её сердца свалилась гора. Она поспешила сообщить радостную весть своему мужу.

Она нашла его в просторном зале, беспокойно расхаживающим взад и вперёд. Его лоб был нахмурен, губы сжаты. Беспорядочная одежда и измождённое лицо свидетельствовали, что он тоже пережил страшную ночь.

- Наконец-то он спит, Гилберт, слава Богу! - Её лицо просветлело, когда она говорила, но на лице мужа не проявилось ответного выражения радости.

- Гилберт, доктор уверяет меня, что есть все шансы на выздоровление нашего дорогого мальчика!

- И к чему он будет возвращён? - мрачно произнёс отец. - К бедности, разорению и позору?

Леди Грейндж онемела от удивления, едва веря своим ушам, почти решив, что эти слова, должно быть, были произнесены во сне. Но это был не сон, а одна из тех странных, суровых реальностей, с которыми мы встречаемся в жизни. Её муж действительно стоял перед ней разорённым человеком! Коммерческий крах, который так часто приводил богатых к бедности. Он наступил почти так же внезапно, как землетрясение, сотрясающее мир природы. Крах уничтожил всё его состояние! Богатство, в которое он верил, обрело крылья и улетело!

Это был ещё один поразительный шок, но леди Грейндж почувствовала его гораздо меньше, чем первый. Ей казалось, что если бы только её сын остался с ней, она могла бы с радостью перенести любое другое испытание. Когда богатство приумножилось, она не прилепилась к нему своим сердцем. Она намеревалась потратить его как добрый распорядитель Божий и накопить сокровище в благословенном месте, где нет опасности, что оно когда-нибудь будет потеряно. Сэр Гилберт был более подавлен этим несчастьем, чем его жена. Он видел, как его кумир

был разбит у него на глазах, но куда ему было обратиться за утешением? Всё, на чём останавливался его взгляд, было для него источником боли. Ведь теперь он должен со всем расстаться, оставить всё, чему радовалось его сердце, всё, чем гордилась его душа! Он забыл, что бедность будет лишь несколько лет, а затем всё равно неизбежная смерть!

Медленно тянулся день. Филип испытывал сильную боль, был слаб и подавлен. Он с горечью сознавал, насколько справедливо заслужил те страдания, которые ему приходилось переносить. К нему было проявлено милосердие прежде, чем стало слишком поздно. “Тёрны и сети на пути коварного”. Ему нравилось, когда мать читала ему Библию, но всего по нескольким стихам за раз. У него не хватало сил сосредоточиться на долго. В этом занятии она сама находила утешение, в котором нуждалась. Сэр Гилберт, погружённый в собственные заботы, почти никогда не входил в покой сына.

Ближе к вечеру в комнату больного тихо вошла служанка и принесла для госпожи запечатанное письмо. На нём не было почтового штемпеля, и девушка сообщила, что джентльмен, который принёс его, ждёт ответа в саду. При первом взгляде на почерк, на хорошо знакомую печать щёки дамы порозовели. Но это был почерк, который ей запретили читать, и печать, которую она не должна была ломать! Жестом велел служанке занять её место рядом с больным, который в этот момент спал, она быстрым шагом с сильно бьющимся сердцем поспешила на поиски мужа.

Он был в своём кабинете. Положив руки на открытый ящик письменного стола, он опустил на них голову. Счета и бумаги, беспорядочно разбросанные по столу, свидетельствовали о характере занятия, которое у него не хватило смелости закончить. Когда жена нежно коснулась его плеча, он вздрогнул. Не говоря ни слова, она вложила нераспечатанное письмо ему в руку.

Вы имеете честь заглянуть через плечо сэра Гилберта и ознакомиться с содержанием этого письма:

“Дорогая сестра! Мы слышали о ваших испытаниях и сердечно сочувствуем вашей беде. Сообщите сэру Гилберту, что сумма, которая вызвала наши неприятные разногласия, удвоилась. Мы вложили её в банк и теперь имеем двойную сумму. Пусть прошлое будет забыто. Давайте снова встретимся, как должны встречаться те, кто собирался вместе у одного очага, кто скорбел над одной могилой и делил вместе радости и печали. Мы страстно желаем сделать это сейчас. Я буду своим собственным посланником и буду лично ждать вашего ответа. Твой неизменно любящий брат — Генри Латур».

Через несколько минут леди Грейндж оказалась в объятиях своего брата, в то время как сэр Гилберт молча сжимал руку того, кого, если бы не несчастье, он никогда бы не узнал как друга.

Вся округа жалела благородную леди, благодетельницу бедных. Она уволила своих слуг, продала все драгоценности и покинула свой прекрасный дом в поисках более скромного убежища. Среди сотен людей, собравшихся на публичный аукцион великолепной мебели и посуды, которые вызывали восхищение всех, кто их видел, многие с состраданием думали о бывших владельцах. Они оказались во внезапной бедности, но щедрость семьи леди спасла их от нужды и зависимости.

И всё же, по правде говоря, никогда ещё со времени своего замужества леди Грейндж не вызвала меньшего сострадания.

Её сын медленно, но уверенно выздоравливал. Его спасение от внезапной смерти неподготовленным было для неё источником невыразимой благодарности. Её собственная семья относилась к ней с ещё большей нежностью, словно между ними никогда не возникало отчуждения. Их любовь была для неё бесценной. Даже суровый, мирской характер сэра Гилберта был несколько смягчён испытаниями. Он был поражён незаслуженной добротой со стороны тех, кого в своём процветании он пренебрегал и избегал. Леди Грейндж видела, что её молитвы были услышаны, хотя и совсем не так, как она надеялась или ожидала.

Цепь, которой постепенно тянули её сына к разорению, внезапно разорвалась. Те, кто искал его общества ради денег, из-за потери его состояния потеряли к нему всякий интерес. Слабохарактерный юноша был оставлен на попечение тех, кому его благополучие было на самом деле дорого. Филипп, вынужден был оставить праздность и приложить все усилия, чтобы заработать себе на жизнь. Юноша стал более мудрым и уважаемым человеком, чем когда был наследником состояния. Он никогда не забывал урок, который боль, слабость и стыд преподали ему - что путь зла - это путь разочарований и скорби. «Тёрны и сети на пути коварного».

Глава X.

Смелость и искренность.

“Боязнь пред людьми ставит сеть; а надеющийся на Господа будет безопасен”
(Прит.29:25).

Джонас Колтер был старым доблестным моряком, который когда-либо плавал по морям. Кроме того, он был добрым и щедрым, готовым поделиться своим последним шиллингом или последней корочкой хлеба с любым бедняком, который в этом нуждался. Джонас любил Библию и свою церковь. Каждое воскресное утро его можно было видеть с книгой под мышкой, ковыляющим на деревянной ноге по дороге в молитвенный дом. Но у Джонаса был один печальный недостаток — скорее, я должен назвать это большим грехом. «Человек гневливый заводит ссору, и вспыльчивый много грешит». Он никак не мог совладать со своим характером, а характер был необычайно дурным.

- Для него можно найти множество оправданий, - часто говорила его старшая сестра, миссис Моррис. - Только подумайте, какую тяжёлую жизнь он прожил и как много ему пришлось выстрадать. Если его гнев иногда поднимается, как шквал ветра, то как шквал ветра он скоро и заканчивается!

- Только подобно урагану, он оставляет после себя последствия! - заметил сосед, когда ему повторили это высказывание. - Я не собираюсь часто навещать дом миссис Моррис, пока её брат-медведь устраивает там свою берлогу!

Пожалуй, на земле не было никого, кого Джонас любил бы больше, чем Джонни и Элли, детей своей сестры. И всё же никто так не страдал от его свирепого и

неуправляемого нрава, как они. Они боялись его больше, чем любили. Несмотря на множество маленьких подарков, которые он им дарил, и на множество любезностей, которые он им оказывал, его отсутствие, когда он уходил из дома, всегда ощущалось как облегчение. Невозможно относиться с величайшей нежностью к тому, кто вселяет в вас непрестанный страх. Не получается чувствовать себя вполне счастливым с собеседником, чья улыбка может в одно мгновение смениться хмурым взглядом, чья приятная беседа - страстным взрывом.

Джонни, хотя и считался смелым мальчиком, боялся вызвать раздражение своего дяди. Если для него Джонас был объектом страха, то для Элли он был объектом ужаса. Элли была одним из самых робких детей в деревне. Она делала большой круг, чтобы не пройти мимо собаки. Девочка испытывала робость при виде индюка и никогда не осмеливалась даже поднять глаза, если к ней обращался незнакомый человек. Бедная маленькая Элли страдала не только от характера своего дяди. Джонни, хотя и сам был недоволен грубостью Джонаса, со свойственной юности склонностью к подражанию, начал в определённой степени копировать его.

Мальчик знал, что старого моряка считали щедрым и храбрым, и поэтому хотел быть похожим на него. Но Джонни совершал очень распространённую ошибку подражателей — следовал за ним скорее в его недостатках, чем в наклонностях, которые были достойны восхищения. Возможно, Джонни пытался скрыть от себя и от других, насколько сильно он боялся своего дядю, и сам напускал на себя буйный вид. Это так часто делается бессознательно, что всякий раз, когда я вижу наглеца, я склонен подозревать, что смотрю на труса.

Элли любила слушать морские истории своего дяди - “длинные небылицы”, как он их называл. Слушать она старалась незаметно. Её любимым местом было сиденье на подоконнике, где она могла задёрнуть портьеру, чтобы спрятаться от посторонних глаз. Если дядя внезапно обращался к ней, то она вздрагивала.

У Джонаса было много диковинок из чужих краёв, которые забавляли детей. Это были сушёные морские водоросли, рептилии в бутылках, странные образцы работы, выполненной из соломы дикарями на каких-то далёких островах с непроизносимыми названиями. Эти сокровища никогда не хранились под замком. Вполне достаточно было того, что они принадлежали грозному Джонасу. Никто не осмеливался прикасаться к его имуществу, чтобы он не “вставил им мозги”.

- Элли, - однажды утром спросил Джонни, когда дети оказались одни в маленькой комнате своего дяди. - Куда ты дела моего ”Робинзона Крузо“?

- Я? - спросила девочка, невинно отрываясь от своей работы. - Я даже не видела его.

- Тогда поищи его! - крикнул мальчик громким грубым тоном, который он точно скопировал у своего дяди.

Элли усердно работала иглой, а её брату было нечего делать; но она была слишком робкой, чтобы противиться. Она отложила свою работу и тихо пошла по комнате, заглядывая то за одну вещь, то под другую. В это время Джонни, растянувшись на полу, развлекался, подбрасывая шарики.

- Вот он! - воскликнула наконец Элли, взглянув вверх на высокую полку, на которой были расставлены бутылки Джонаса.

- Сними его! - сказал мальчик, который, судя по его тону, считал себя, по меньшей мере, равным адмиралу.

- Я не думаю, что смогу, - ответила Элли. - Я не могу дотянуться до полки, а там ещё одна книга и сверху "Робинзона Крузо" стоит тяжёлая бутылка.

- Гусыня! Ты что не можешь взять стул? - последовал ответ.

Элли медленно подтащила тяжёлый стул к полкам, в то время как Джонни начал петь:

«Британцы никогда, никогда не будут рабами!»

считая, исключением всех нежных, беспомощных маленьких британских девочек, у которых, есть сильные, деспотичные братья.

- Да смотри, что ты делаешь! - крикнул он, наблюдая за усилиями Элли выполнить задачу, для которой у неё едва хватало сил или роста. Едва эти слова были произнесены, как с грохотом полетели вниз бутылка и книги, чуть не опрокинув бедную Элли!

Джонни мгновенно вскочил.

- Что теперь делать! - воскликнул он, с ужасом глядя на разбитую бутылку. Зелёное содержимое бутылки, растекалось во все стороны, пачкая пол, а также книгу, которая была одним из величайших сокровищ Джонаса.

- Ох! Что же делать! - в отчаянии повторила бедная Элли.

Джонни был так зол на себя, что ему очень хотелось, по своему обыкновению, выместить свой гнев на сестре. Однако он понимал, что они оба были в одной и той же беде. Ведь из-за своей лени он заставил маленькую девочку сделать то, что должен был сделать сам. Мальчик подавил своё негодование и стал придумывать, как же всё исправить.

- Дядя будет охвачен настоящим ураганом! - воскликнул он. - Знаешь что, давай лучше сходим на ферму и прогуляемся, чтобы быть подальше во время его ярости.

- Будет ничуть не лучше, когда мы вернёмся, - печально сказала Элли, наклоняясь, чтобы поднять повреждённую книгу.

- Не прикасайся! - авторитетно крикнул Джонни. - Не оставляй пятен на своём платье и на руках. Я придумал прекрасный план! Мы закроем кошку в комнате, а потом отправимся на прогулку. Никто на свете не догадается, что это не она всё это натворила.

- Ох, Джонни! Разве это будет правильно?

- Правильно? Да какая разница! - ответил брат. - Надевай шляпку, да поторапливайся, пока я поищу Табби на кухне.

У Элли были большие сомнения, следует ли ей повиноваться, но она была напугана и смущена и привыкла подчиняться приказам своего брата. В конце концов, дядя так любил кошку, что она, вероятно, пострадала бы от его гнева гораздо меньше, чем любое другое существо.

Табби вскоре была поймана и поставлена на пол рядом с разбитой бутылкой. Джонни окунул одну из её лап в зелёную жидкость, чтобы это было дополнительной уликой против неё, а затем вышел из комнаты.

- Мне нужно забрать свою работу, я оставила её там, - сказала Элли.

- Тогда иди быстро и заведи её, - ответил Джонни.

Элли вошла и забрала работу, но остановилась в нерешительности, прежде чем выйти из комнаты. Оглядываясь назад, она держала руку на ручке двери.

- Ох, Джонни! Табби облизывает её!

- Тем лучше! - ответил он. - Её усы расскажут свою историю.

- Но, Джонни...

- Пошли скорее! Я не могу ждать тебя весь день! - воскликнул мальчик. - Дядя может вернуться до того, как мы уйдём!

Эти слова ускорили движения Элли, и она со вздохом закрыла дверь.

Во время всей этой долгой прогулки девочка была очень серьёзной и молчаливой. Такой же она была и на ферме. Джонни сначала посмеялся над её глупостями, как он это называл, а потом стал раздражительным и грубым, по примеру своего дяди. Дорога домой была для Элли очень неприятной.

Но ещё более неприятным было прибытие домой. Первое, что бросилось в глаза детям по возвращении, была бедная Табби, безжизненно распостёртая на полу кухни. Дядя, с покрасневшим лицом и нахмуренными бровями склонился над ней. Их мать, стоявшая рядом с ним, тщетно пыталась успокоить его.

- Несчастные случаи бывают, брат мой...

- Где-то была допущена грубая небрежность, - проворчал моряк. Внезапно повернувшись к детям, которых он впервые заметил, он прогремел: - Это ты, сэр, закрыл кошку в моей комнате?

- Нет, - быстро ответил Джонни, а затем добавил: - Мы с Али ходили на ферму.

- Возможно, я сама закрыла дверь, - сказала мать, - не зная, что кошка находится в том месте. - Чтобы отвлечь моряка от его потери, она продолжила: - Я собираюсь в деревню, Джонас, и мне нужно нести очень большую корзину. Джонни только что вернулся с долгой прогулки, или...

- Никаких вопросов! - воскликнул моряк. - Я помогу тебе с твоим грузом. Просто подожди несколько минут, пока я не похороню эту бедняжку в саду. Мне бы не хотелось, чтобы собаки до неё добрались... хотя бедняжка Табби сейчас уже ничего не чувствует. - Когда суровый, грубый мужчина наклонился, поднял свою мёртвую любимицу и унёс её, Элли увидела что-то похожее на влагу, дрожащую в его глазах.

- Элли, - сказала мать, - иди в ту комнату и осторожно собери осколки бутылки, которую бедная Табби умудрилась сбросить с полки. Вымой ту часть пола, которая испачкана жидкостью. Будь внимательна, чтобы нигде не оставить ни капли. Содержимое бутылки было смертельным ядом. Я не могу быть не благодарной, что кошка была единственной пострадавшей.

С тяжёлым сердцем Элли повиновалась. Она была опечалена смертью Табби и расстроена досадой дяди. Но больше всего её огорчала мысль, что она сама не действовала открыто и добросовестно.

Когда она вернулась на кухню, то там был только Джонни. Мать и дядя ушли в деревню.

- Послушай, Элли, - заметил Джонни, - нам повезло, что дядя спросил меня, а не тебя, о том, кто запер кошку. Дверь-то закрывала ты, а не я.

- О, Джонни! - сказала сестра. - Я чувствую себя такой несчастной из-за этого! Жаль, что я не рассказала всё маме... мне кажется, что я не смогла бы поговорить с дядей. Такое чувство, что я обманываю их обоих!

- Чепуха! - громко воскликнул Джонни. - Радуйся тому, что шторм миновал!

Несмотря на презрительный голос брата, совесть Элли звучала громче. С тех пор как девочка начала разговаривать, она привыкла говорить правду. Она знала, что ложь может быть даже в молчании, когда это молчание имеет намерение обманывать. Она чувствовала, что причинила зло своему дяде, испортив его имущество и, пусть и непреднамеренно, став причиной смерти его питомца. Вместо того, чтобы откровенно признаться в содеянном и попросить прощения, она скрывала это дело. Элли медленно поднялась в свою маленькую комнату и взяла с полки свою потрёпанную Библию. Это был более надёжный советчик, чем её брат! Она открыла её, и первый стих, на котором остановились её глаза, был такой: «Боязнь пред людьми ставит сеть; а надеющийся на Господа будет безопасен». Элли закрыла книгу, села и, подперев голову рукой, задумалась.

- Мама часто говорила мне, что язык небес - это истина, и что тот, кто лжёт, никогда не будет допущен в это прекрасное место! Но почему мой разум так встревожен? Я не говорила ни слова неправды. Но я скрывает правду. И почему? Потому что боюсь дядю, а в Библии написано, что страх перед людьми расставляет сети. Что же в данном случае я должна сделать? Признаться, что я уронила бутылку? Не навлечёт ли это на моего брата неприятности? Нет; потому что это я взобралась на стул, я опрокинула бутылку, и я последней закрыла дверь! Всё зло было сделано мной, хотя и не для моего собственного удовольствия. Я знаю, каков будет мой лучший план, - сказала Элли со вздохом облегчения. - Она пришла к определённом решению. - Когда мама вернётся из деревни, я ей во всём признаюсь. Она выберет подходящее время, когда мой дядя будет в хорошем настроении, а я уйду куда-нибудь. Она скажет ему, что я убила бедную Табби, и что я очень сожалею.

Элли вернулась на кухню, поставила кипятить воду для чая и села за свою незаконченную работу, ожидая возвращения матери. Её сердце забилось быстрее обычного, когда она услышала стук деревянной ноги дяди, но ещё сильнее, когда он вошёл в дом один.

- Где мама? - спросил Джонни.

- Она пошла в дом священника, - ответил Джонас. - Она встретила посыльного, который сказал ей, что леди там очень больна и хочет, чтобы кто-нибудь ухаживал за ней. Она отправилась прямо в Брэмpton и попросила меня вернуться и сказать вам.

- А когда она придёт? - с тревогой спросила Элли.

- Я полагаю, что это будет, когда леди станет лучше. Судя по тому, что я слышал, она бросила якорь на долго, - ответил моряк. - Но наберись храбрости, малышка, и не смотри так, как будто ты собираешься открыть шлюзы. Я принёс тебе кое-что, чтобы немного взбодрить тебя, - и медленно развернув свой красный носовой платок, Джонас показал большой пряник. - Это тебе, - сказал он, протягивая его племяннице.

- Ох, дядя! - воскликнула Элли не решаясь даже прикоснуться к нему.

- Ну, бери, - резко сказал он, - чего ты медлишь? - Элли взяла пряник и дрожащим голосом поблагодарила дядю. Джонас наклонился, и взглянул на тёплый уголок, который раньше был любимым местом его любимицы. Оттуда не слышно было её знакомого мурлыканья. Старый моряк бессознательно вздохнул, и с его губ сорвалось: - Бедная Табби!

Звук этого вздоха и его слова причиняли боль маленькому сердцу Элли. - Вот я получаю угощение от моего дяди, - думала она, - а как мало я этого заслуживаю! Однако у меня не хватает мужества признаться в правде! Я уверена, что страх - это сети для меня. О, если бы у меня было более храброе сердце, чтобы я не боялся ничего, кроме как поступать неправильно! Джонни смел, как лев, но я уверена, что даже он побоялся бы сказать правду нашему дяде!

- Что случилось с моей крошкой? - воскликнул Джонас с откровенной добротой, и пристально глядя на ребёнка. - Ты расстроилась, что матери нет дома?

- Дело не в этом, - едва слышно ответила Элли.

- Ты переживаешь о кошке?

- Частично, - пробормотала девочка.

- Добрая душа! - сердечно произнёс моряк. - Я куплю тебе белого котёнка или пятнистого, если его можно купить за деньги! Но, может быть, ты похожа на Джека, и не думаешь, что новые друзья заменят старых? - и грубая жёсткая рука моряка ласково легла на плечо маленькой девочки.

- Дядя, вы совершенно меня не поняли, вы... вы... не были бы так добры, если бы знали всё! — быстро произнесла Элли. Первый трудный шаг был сделан. Щёки бедняжки были пунцовыми, и она чувствовала, что в тот момент не в состоянии поднять глаза от пола.

- Что всё это значит? - грубо воскликнул Джонас. Джонни, испугавшись, что вся правда выйдет наружу, поспешно удалился из кухни.

- Что всё это значит? - повторил грубый моряк. Элли зашли уже так далеко, что не могла отступить. Её маленькие ручки были крепко сжаты, голос дрожал и от страха слова звучали невнятно. Заикаясь, она произнесла: - Это я уронила бутылку... и... и закрыла бедную Табби в вашей комнате... и...

- Закрыла её нарочно? - прогремел Джонас, вскакивая со своего места. В ответ Элли только кивнула.

- Закрыли кошку, чтобы вину можно было возложить на неё! — Отправились на долгую прогулку, чтобы подлый трюк удался! - С каждым предложением его голос становился все громче и громче, так что Джонни мог слышать его даже на другой стороне дороги, в то время как бедная Элли трепетала, как тростинка под бурей.

- И твой брат был с тобой? - продолжал сердитый моряк после короткой, но ужасной паузы.

Бедная Элли не знала, что отвечать. Она сжала руки крепче, чем когда-либо, и не могла говорить, но её молчание говорило достаточно.

- Подлый трус! - воскликнул Джонас, ударив по столу кулаком так, что он зазвенел. - И он, подняв все паруса, сбежал, и оставил эту маленькую лодку, чтобы встретить шторм в одиночку! - Элли зарыдала. То ли от вида этих слёз, то ли от его собственных слов моряк понял, что Элли, по крайней мере, сейчас вела себя честно

и открыто. Его гнев по отношению к ней мгновенно прошёл, и он ласково притянул её к себе на колени.

- Вытри глаза и успокойся, - сказал он. - Вы не знали, что жидкость была ядом. Несчастные случаи, как говорится, случаются даже в самых благоустроенных семьях. Но почему ты и твой подлый брат не рассказали мне честно о том, что разбили бутылку вместо того, чтобы разыгрывать трусливый трюк, заперев бедную кошку в комнате?

- О, дядя, - пробормотала Эли, наконец обретя дар речи, - мы знали, что вы ужасно рассердитесь!

- Хм! - задумчиво произнёс моряк. - Значит, страх передо мной был для вас сетью. Что ж, ты можешь пойти за своим братом, если он не убежал так далеко, что ты не сможешь его найти. Скажи ему, что он может вернуться обратно, как только наберётся достаточно смелости, потому что ни хорошего, ни плохого слова он не услышит от меня ни о бутылке, ни о кошке. И имей в виду, моя честная маленькая девочка, — продолжал Джонас, - я раздобуду для тебя белого котёнка. Хотя у тебя и не крепкое сердце, но смелая совесть. Ты осмелилась сказать правду даже раздражительному старому моряку, который, как ты знала "ужасно рассердится".

Эли полетела, как птичка. На сердце у неё стало легче, оно освободилось от бремени и радовалось сознанию того, что болезненный долг был выполнен. В жизни, всякий раз, когда она испытывала искушение свернуть с прямого пути из страха перед какой-нибудь опасностью, робкая девушка находила в себе мужество вспомнить стих, который так поразил её в тот день: «Боязнь пред людьми ставит сеть; а надеющийся на Господа будет безопасен».

Глава XI. Решение моряка.

“Человек гневливый заводит ссору, и вспыльчивый много грешит” (Прит.29:22).

Старый моряк Джонас сидел у камина, пристально глядя на тлеющие угли. Он не был занят любимым занятием своей маленькой племянницы, разглядывая раскалённые замки и пылающие здания в камине. Не были его мысли каким-либо образом связаны и с тлеющими углями. Время от времени было бы неплохо и каждому из нас делать то, что делал он. Джонас заглядывал в себя и размышлял о том, что произошло в связи с его собственным поведением.

- Итак, — думал он, — вот я, честный человек и могу сказать это, несмотря на мои недостатки. Я тот, кто боится лжи больше, чем огня. Я нахожу, что с моим медвежьим характером, на самом деле подталкиваю ко лжи окружающих - учу их быть хитрыми, изворотливыми и трусливыми! Я достаточно хорошо знал, что моя грубость досаждала другим, но до сих пор я никогда не видел, как она искушала их. Я бы сказал, искушала их на подлость, потому что я тысячу раз убеждался, что

сердитый человек разжигает ссору и что одно слово может начать долгую распрю. Боюсь, что я недостаточно размышлял на эту тему. Я смотрел на свой дурной характер как на совсем незначительный грех. Теперь я начинаю подозревать, что он велик, как в глазах Бога, так и в последствиях, которые он за собой влечёт.

Интересно, смогу ли я проследить его зло? Он делает несчастными тех, кого хотелось бы сделать счастливыми. Часто, подобно неожиданному шторму, заставляет их сдавать назад вместо того, чтобы направляться прямо в порт. Он позорит профессию, унижает флаг, позволяет миру насмехаться над верой. Он может сделать человека таким же грубым и суровым, как дикарь-язычник. Такой характер прямо противоречит Слову Божьему — он так далёк от совершенства, как восток от запада, судя по примеру, произошедшему перед нами! Да, бешеный нрав — это очень злая вещь... я бы отдал вторую ногу, чтобы избавиться от него! — В пылу самобичевания моряк ударил своей деревянной ногой по очагу с такой силой, что Элли подпрыгнула от ужаса. Она подумала, что вот-вот должен был последовать какой-то сильный взрыв.

- Ну, я решил, что это зло... великое зло! — продолжал Джонас в своём тихом размышлении. — Следующий вопрос: как избавиться от него? Вот проблема. Оно прилипает к человеку, как его кожа. Характер является природой человека, а как можно бороться с природой? И всё же, я так понимаю, что победить нашу злую природу — дело веры. Как я где-то читал, мёртвая собака может плыть по течению, а живая собака плывёт против него. Вспоминаю о неприятностях, которые у меня были из-за дурной привычки ругаться, когда я начал служить Богу, и решил оставить свои греховные пути. Плохие слова слетали с моих губ так же естественно, как воздух, которым я дышал. Что я делал, чтобы избавиться от этого зла?

- Итак, я старался снова и снова и обнаружил, что мои старания всегда лопались, как гнилой трос во время шторма. Меня так часто срывало с моей якорной стоянки, что я начал отчаиваться. Затем я усердно молился, чтобы Бог помог мне. Я сказал себе: Бог помогает тем, кто прилагает старания. Может быть, если я откажусь от чего-то, что мне очень дорого... Я так и сделал, решил, что в первый же раз, когда ругательство слетит с моих уст, я расстанусь со своей трубкой. Это поможет мне помнить о своём долге. С того дня и по сей день я никогда не произносил ругательств, даже в самых бурных своих страстях! Теперь я снова попробую то же самое лекарство; не для того, чтобы наказать грех, а для того, чтобы предотвратить его. Если я приду в ярость, то разобью её! Ну вот, Джонас Гримстоун, я тебя честно предупреждаю! — и старый моряк мрачно улыбнулся про себя и пошевелил угли в камине.

В тот вечер Джонас не произнёс ни одного грубого слова и был удивительно молчалив. Он думал, что самый простой способ не сказать ничего плохого — это вообще ничего не говорить. Моряк с большим удовольствием посмотрел на свою трубку, когда положил её на каминную полку на ночь. — Ты выдержал этот день, старый друг, — сказал он. — Завтра мы будем начеку против шквалов.

На следующее утро Джонас занимался в своей комнате своими склянками, а его племянник и племянница занимались на кухне подготовкой к воскресной школе, которую они регулярно посещали. Дверь между двумя комнатами была открыта. Поскольку помещение было небольшим, Джонас слышал каждое слово, которым

обменивались Джонни и Элли. Слова звучали так же хорошо, как если бы он был рядом с ними.

- Знаешь что, Элли...

- Джонни, позволь мне пожалуйста выучить урок спокойно. Если я его не буду знать, то моя учительница расстроится. Мои вчерашние неприятности помешали мне заняться работой. Ты знаешь, что я не могу учиться так быстро, как ты.

- О! У тебя полно времени. Я хочу, чтобы ты кое-что сделала для меня. Ты знаешь, что я потерял свой новый мяч?

- Да ведь вчера ты вынимал его из кармана, сразу после того, как мы пересекли перелаз на обратном пути с фермы, - сказала Элли.

- Верно, я достал его из кармана, а обратно не положил. Я хочу, чтобы ты сейчас же пошла и поискал мяч. Этот перелаз всего в трёх полях отсюда, ты знаешь где это. Ты должна внимательно смотреть вдоль всего пути и не терять времени, иначе кто-нибудь другой может его подобрать.

- Джонни, пожалуйста, не проси меня идти через поля.

- Уверяю, что у тебя достаточно времени для уроков.

- Это не из-за урока...

- Тогда в чём же дело? Говори!

- Ты знаешь... там коровы...

Джонни разразился громким, грубым насмешливым хохотом. - Маленькая трусишка! - воскликнул он. - Хотел бы я посмотреть, как корова гоняется за тобой по лугу! Как бы ты мчалась! Как бы визжала! Это было бы весёлое зрелище ха-ха-ха!

- Весёлое зрелище, сэр! - услышался возмущённый голос, когда Джонас вышел из соседней комнаты. Схватив племянника за воротник куртки, он хорошо встряхнул его. - Это было бы весёлое зрелище, - а как ты это называешь? Ты смеешь обвинять свою сестру в трусости! — Ты, кто вчера улизнул, как лиса, потому что у тебя не хватило духу посмотреть старику в лицо! — Ты, кто запугивает слабых и пресмыкается перед сильными! — Ты, у кого манеры медведя с сердцем голубя! - Каждое предложение сопровождалось сильной встряской, от которой у мальчика чуть не перехватило дыхание. Джонас, красный от негодования, швырнув Джонни от себя с такой силой, что, если бы не стена, о которую он ударился, он упал бы на пол.

В следующую минуту Джонас подошёл к каминной полке и, воскликнул с досадой: - Опять сел на мель! — Он взял свою трубку, разломил её надвое и бросил обломки в огонь.

Затем он потопал обратно в свою комнату, захлопнув за собой дверь.

- Старая фурия! - тяжело дыша пробормотал Джонни сквозь стиснутые зубы, свирепо глядя в сторону комнаты дяди.

- Сломал собственную трубку! - воскликнул Элли. - Я никогда раньше не видела, чтобы он делал что-то подобное, каким бы злым он ни был!

Джонни снял с крючка кепку и в самом дурном расположении духа, какое только можно себе представить, отправился на поиски своего мяча. Он мстил, как мог, своему грозному дяде, развлекаясь в тот день просмотром "Робинзона Крузо".

Джонни любил карандаш, хотя никогда не учился рисовать. Поля его книг часто были украшены мрачными головами или странными фигурами, оставленными его рукой. В “Робинзоне Крузо” была картинка, изображающая группу каннибалов, танцующих вокруг своего костра. Они были настолько отвратительные, насколько могла изобразить фантазия. Джонни удовлетворил свою злобу, сделав всё возможное, чтобы изменить переднюю фигуру так, чтобы она выглядела с деревянной ногой. На голову он надел соломенную шляпу, безошибочно похожую на шляпу старого моряка. Подправил черты, чтобы придать смутное сходство с его лицом. Чтобы не возникало сомнений в значении рисунка, Джонни нацарапал сбоку картинки:

«Не нужно бродить в поисках свирепых дикарей, самого свирепого и уродливого можешь найти дома».

Он тайно показал картинку Элли.

- О, Джонни, как неуважительно! Что бы сказал дядя, если бы увидел?

- Мы могли бы подвергнуться шквалу! Но дядя никогда не заглядывает в подобные книги.

- Я думаю, что тебе лучше стереть рисунок как можно быстрее, - сказала Элли.

- Посмотришь, как я это буду делать! - воскликнул Джонни. - Это лучший набросок, который я когда-либо рисовал, и он так похож на старого дикаря, как только можно изобразить!

Поздно вечером миссис Моррис вернулась домой. Из Лондона к больной прислали сиделку. Как же были рады Джонни и Элли увидеть её раньше, чем осмеливались ожидать. Она принесла им несколько апельсинов. Не был забыт и старый моряк. Она осторожно достала из своей сумки и протянула ему новую трубку.

Дети переглянулись. Джонас взял трубку с любопытным выражением на лице, которое его сестра никак не могла понять.

- Большое спасибо, - сказал он. - Я буду смотреть на неё как на...

«Если попытаешься и не добьёшься успеха,

Пробуй, пробуй, пробуй ещё раз».

- Что он имел в виду, было загадкой для всех присутствующих, но не для читателя.

“Попытка” была очень успешной в тот вечер и на следующий день. Никогда ещё Джонни и Элли не находили своего дядю таким приятным. Его манеры стали мягкими — это было затишье после бури.

- Дядя такой хороший и добрый, - сказала Элли брату, когда они шли домой после служения в церкви. - Я удивляюсь, как ты можешь выносить то, что эта нехорошая картинка всё ещё в твоей книге. Он нисколечко не похож на каннибала, и мне кажется совершенно неправильным так смеяться над ним.

- Я сотру её на днях, - ответил Джонни, - но сначала я должен показать её Питеру Крейну. Он говорит, что в моих изображениях никогда нет сходства. Если он это увидит, то никогда больше так не скажет!

На следующее утро Джонас занялся сбором полевых цветов и трав. Он отнёс их в свою маленькую комнату, где Джонни услышал, как он насвистывает. Это был человек, пребывающий в мире с самим собой и со всеми людьми.

Вскоре Джонас попросил мальчика принести ему нож с кухни. Просьба была высказана необычайно вежливым тоном, и Джонни, конечно же, немедленно выполнил её.

Он застал Джонаса занятым сушкой своих растений, аккуратно укладывая их между страницами книги, готовясь положить их под пресс. Каков же был ужас Джонни, когда он понял, что книга, страницы которой Джонас перелистывал, была не чем иным, как его "Робинзон Крузо"!

- О, если бы я только мог забрать её у него из рук, прежде чем он дойдёт до этой ужасной картинке! О, что же мне делать! Что мне делать? – лихорадочно думал Джонни. - Дядя, я читаю эту книгу, - сказал он вслух, набравшись смелости.

- Продолжишь читать завтра, - спокойно ответил Джонас.

- Возможно, он не посмотрит на эту картинку, - думал Джонни. - Хотел бы я точно видеть, в какой части книги он находится! Он выглядит слишком спокойным, чтобы заметить что-нибудь плохое! О, что я наделал! Я бы всё отдал, чтобы этот "Робинзон Крузо" оказался на дне моря! Но вот лицо дяди сильно краснеет! – да, вены у него на лбу набухают! Надеюсь, он не сделался несчастным каннибалом и не съест меня, как один из них! Мне лучше обратиться отсюда, пока не разразился гром!

- Намереваешься снова отчалить, господин Джонни? - сказал старый моряк очень странным тоном, отрывая взгляд от открытой книги, на которой покоился его палец.

- Я немного занят, - пробормотал Джонни.

- Есть небольшое дельце со мной, которое тебе лучше уладить, прежде чем поднимать паруса. Почему, когда ты нарисовал такую хорошую фигуру дикаря, ты не надел куртку и ботинки на этого маленького каннибала рядом с ним и не сделал из них пару в том же доме? Я подозреваю, что мы с тобой в одной лодке в том, что касается наших характеров!

Джонни чувствовал, что не в состоянии произнести ни слова в ответ.

- Я боюсь, – продолжал моряк, закрывая книгу, - что в нас обоих слишком много дикости - слишком много танцев вокруг огня. Но запомни, Джон – даже из этой книги мы узнаём, что дикаря, каннибала можно приручить. Мы узнаём из Библии, что принцип – благороднейший принцип, который может управлять как молодыми, так и старыми - может, да, и должен, погасить огонь свирепого гнева в наших сердцах и превратить нас из диких зверей в людей! Итак, я сказал своё слово, - добавил Джонас с улыбкой, - и в знак моей первой победы над моим старым врагом, иди сюда, мой мальчик, и дай мне свою руку!

- О, дядя, мне так жаль! - воскликнул Джонни с увлажнившимися глазами, почувствовав ласковое рукопожатие старика.

- Тебе жаль, да? А кем ты был в субботу, когда я тряс тебя, как кошка крысу?

- Дядя, я признаюсь, что был зол.

- Сожалеешь сейчас, а тогда злился? Совершенно ясно, что мягкий подход даёт лучший результат, не говоря уже о примере. - Джонас погрузился в размышления.

В тот день и многие последующие дни в доме стояла прекрасная погода и светило солнце. Джонасу с трудом удавалось сдерживать свой темперамент. Он часто чувствовал, как в его сердце поднимается яростный гнев, готовый вылиться в страстные слова или грубые действия. Но Джонас, поскольку он старался верно служить своей королеве, сражаясь под её флагом, проявил такое же искреннее и смелое чувство долга, чтобы противостоять испытаниям повседневной жизни. Он никогда больше не забывал о своём решении. Каждый день ограничение, которое он наложил на себя, становилось менее болезненным и утомительным.

Если совесть кого-нибудь из моих читателей скажет ему, что своим неуправляемым нравом он нарушает покой своей семьи, то пусть он не пренебрегает злом как малым. Но подобно бедному старому моряку в моей истории, решительно борется с ним. “Человек гневливый заводит ссору, и вспыльчивый много грешит”.

Глава XII.

Цыгане.

“Спасай взятых на смерть, и неужели откажешься от обречённых на убиение? Скажешь ли: "вот, мы не знали этого"? А Испытующий сердца разве не знает? Наблюдающий над душою твоею знает это, и воздаст человеку по делам его”
(Прит.24:11,12)

- Ясным майским утром Элли сидела на пороге своего дома и ела пирожное, которое дал ей дядя. Время от времени она бросала крошки весёлым маленьким ласточкам, которые щебетали на карнизах и носились туда-сюда из своих гнёзд.

Элли сидела недолго, когда к ней подошла высокая ширококостная женщина в красном плаще, с обожжёнными солнцем чертами лица и диким выражением глаз в тёмных глазах. За ней следовала маленькая, жалкого вида девочка лет шести-семи. У ребёнка не было ни туфель на покрытых волдырями ногах, ни шляпки на спутанных волосах. Цыганка остановилась перед Элли и тоном, который она намеревалась расположить к себе, сказала: - Доброе утро красивая. Позолоти мне ручку, и я расскажу тебе твою судьбу.

Элли быстро отклонила это предложение, потому что мама учила её никогда не поощрять тех, кто притворяется способным заглядывать в будущее и видеть то, что Бог скрыл от наших глаз. Появление этой женщины напугало её. Если бы цыганка сказала ей ещё что-нибудь, Элли сразу же спряталась бы за двери. Женщина прошла дальше и через несколько метров нашла охотного слушателя в ветреной деревенской девчонке. Её длинные позолоченные серьги, красные ленты и завитые волосы были внешними признаками тщеславия и глупости. Цыганской гадалке легко можно было её одурачить.

Но худенькая маленькая девочка задержалась, робко разглядывая соблазнительное пирожное Элли. Элли отломил кусочек и протянула ей. Девочка бочком подошла, взяла его и проглотила, она выглядела страшно голодной. Элли улыбнулась и дала ей ещё кусочек.

- Как тебя зовут, малышка? - спросила Элли, сначала взглянув, чтобы убедиться, что цыганка была слишком занята, чтобы слушать её.

- Мэдж, - ответила девочка.

- И эта женщина - твоя мать?

Девочка кивнула в ответ.

- И ты везде с ней бродишь?

Мэдж что-то тихо сбивчиво ответила, но Элли не могла ничего понять. Наконец она выяснила, что цыгане разбила свой шатёр где-то поблизости. Девочка не могла сказать, как долго они здесь пробудут.

- Мэдж, ты когда-нибудь ходила в школу?

Девочка пристально смотрела на неё, ничего не отвечая.

- Тебя кто-нибудь учил читать?

Мэдж либо не понимала смысла вопроса, либо её больше интересовал белый котёнок Элли. Она не обращала внимания на вопрос. Элли заметила любопытный взгляд и, оставив своё пирожное, пошла за своим застенчивым любимцем. Вытащив его из-под стола, где он прятался, она принесла котёнка к двери.

Пирожное Элли исчезло, а девочка стояла к ней спиной.

- Моё пирожное! – воскликнула Элли. Девочка вздрогнула и кусочек пирожного выпал из её рук на землю.

Элли, удивлённая и огорчённая, стояла, глядя на маленькую преступницу, а затем сказала с жалостью в голосе: - Подними его, Мэдж, и можешь съесть его. Я вижу, что ты голодная. Но, - продолжила она, когда ребёнок с пристыженным видом повиновался, - разве ты не знала, что красть очень, очень неприлично? Разве твоя мама никогда не учила тебя, что неправильно брать то, что тебе не принадлежит?

На лице несчастной девочки промелькнуло странное выражение. В сочетании с внешностью цыганки и тем, что Элли слышала о характере некоторых представителей этой расы, она заподозрила, что Мэдж не могла получить от своих родителей хороших наставлений.

- Разве ты не знаешь, что Бог видит тебя? – продолжала Элли.

- Я ничего о Нём не знаю, - пробормотала девочка.

- Ничего не знаешь о Боге? Ты никогда не молишься Ему? – удивилась Элли.

Но тут разговор внезапно прервала цыганка, окликнувшая ребёнка. Мэдж выглядела испуганной, как человек, который часто слышал слово, за которым следовал удар. Неохотно подчинившись зову, девочка бросила прощальный взгляд сожаления, но не на Элли, а на её милого белого котёнка. Через несколько минут цыганка и ребёнок исчезли в переулке.

- О, бедная, несчастная маленькая Мэдж! — подумала Элли. - Неудивительно, что она взяла пирожное, неудивительно, если она вырастет несчастной и порочной! Она не знает о Боге, не знает, что Он создал её, и что Он наблюдает за ней. Она не знает, что Он ненавидит грех и накажет её! Что с ней будет в этом мире? И что с ней будет в следующем?

Когда её брат Джонни вернулся домой с поля, Элли рассказала ему о маленькой цыганке.

- Я слышал о цыганах, - сказал он. - Они разбили свой шатёр на той дороге, и фермер говорит, что теперь нужно хорошенько присматривать за своей домашней птицей. Там есть крупная женщина и неприятного вида мужчина в меховой шапке и с повязкой на глазу, который предлагает починить чайники и сковородки. Фермер говорит, что этот парень, возможно, видел не одну тюрьму изнутри. Он надеется, что их табор не задержится в этом месте надолго.

- Бедная маленькая Мэдж! Совсем не её вина, что она дитя таких людей, - произнесла Элли.

- Я уверен, что она не научится от них ничему хорошему. Она научится лгать, как её мать, и воровать, как отец и, возможно, закончит свои дни в тюрьме, - заметил Джонни.

Элли некоторое время молчала. Её пальцы деловито шили, но мысли были далеко от работы. Наконец она тихо сказала, как бы про себя: - И всё же этот бедный ребёнок просто драгоценность!

- Драгоценность для её родителей? Я в это не верю! - воскликнул Джонни. - Она выглядит так, как будто её морят голодом. Разве ты не видела синяки на её голых руках? Я думаю, что им было бы всё равно, если бы она умерла в канаве.

- Она драгоценна в глазах Господа, - пробормотала Элли. - У этой бедной малышки есть душа!

Джонни некоторое время молчал, а затем с наигранной лёгкостью ответил. - Я не вижу, какое отношение мы с тобой имеем к этому делу, Элли. Мы не сторожа маленькой нищенки!

- «Я не сторож брату моему»... Я читала эти слова где-то в Библии. - ответила Элли. Но в данный момент я не могу вспомнить, в какой части они написаны.

- Не помнишь? - спросил Джонни. - Это слова Каина, когда Бог спросил его о его брате Авеле.

Снова наступила долгая пауза.

- Интересно, - проговорила Элли, сжав руки, - неужели мы ничего не можем сделать, чтобы спасти этого бедного ребёнка?

- По крайней мере, я ничего не могу сделать, - ответил Джонни и насвистывая, вышел из дома.

Но разум Элли не так-то легко было удовлетворить. Она была одной из тех, кто уверен, что грех не только в том, чтобы не делать то, чего мы не должны делать, но и в том, чтобы оставлять невыполненным то, что мы должны делать. «А Испытующий сердца разве не знает?» Она знала, что долгом и радостью каждого христианина должно быть помогать другим на пути к небесам. Можно одалживать хорошие книги, или помогать кошельком таким обществам, которые были созданы для выполнения этой святой работы.

Сначала Элли подумала о том, чтобы дождаться удобного случая, когда Мэдж снова будет проходить мимо. Она хотела дать ей маленькую книжечку, которую она получила в качестве приза в школе. Но рассудительность (а рассудительность всегда должен учитываться, когда мы пытаемся творить добро) показала ей, что это не разумно. Мэдж не могла ни прочесть книгу, ни понять её, даже если бы умела

читать. Она была настолько невежественна, что тот, кто хотел бы учить её, должен был начинать с самой простой формы обучения.

Элли не осмеливалась подойти к цыганскому шатру. Она боялась женщины, а ещё больше мужчины. Девушка не думала, что её мать позволила бы ей посетить тех, у кого были такие несправедливые пути. Элли очень хотелось посоветоваться с мамой, которая всегда была её лучшим и мудрейшим другом, но миссис Моррис в это время не было дома. Элли не чувствовала себя свободной со своим дядей, чтобы поговорить с ним на эту тему. Что же касается Джонни, то его это совершенно не волновало.

Многие дети на месте Элли отказались бы от идеи помочь цыганской девочке, поскольку это совершенно не в их силах. Они остались бы довольны мыслью, что эта работа предназначена не для них. Но Элли, какой бы робкой и нежной она ни была, была не из тех, кого легко разубедить, когда дело касалось её жалости и совести. Она вспомнила, как внимание Мэдж привлек её хорошенький белый котёнок. Не может ли этот котёнок послужить приманкой, чтобы отозвать ребёнка от шатра? На пересечении двух дорог росло старое колючее дерево. Оно находилось примерно на полпути между деревней и местом, где был разбит шатёр. Оттуда было видно и то, и другое. Это место было хорошо известно Элли.

Элли подумала, что могла бы пойти туда и попытаться встретиться с бедной цыганочкой. На этом пути была одна большая трудность, над которой вы, возможно, улыбнётесь. По пути к старому дереву необходимо было пройти мимо маленького дворика перевозчика, а обитателем этого двора была большая свирепая собака! Правда, собака была на цепи, но Элли никогда не была уверена, что железо или сталь могут выдержать силу её внезапного прыжка. Звук её низкого рычания и резкого, громкого лая был для неё так же ужасен, как рыкание льва!

- Джонни, - сказала Элли, - я бы хотела, чтобы ты прошёл немного со мной этим вечером. Только до того места, где сходятся две дороги.

- Хочешь, чтобы тебе погадали? - ответил Джонни, поднимая глаза с дерзкой улыбкой.

- Нет, я только хочу поговорить с малышкой Мэдж, если ты пройдёшь рядом со мной до того места

- О, даже не пробуй уговаривать меня! - воскликнул Джонни, подбрасывая пенни. - Я не хочу иметь ничего общего с этими нищими цыганами!

- Если идти, то я должна идти одна! - подумала Элли, и решила пойти одна! Она припасла кусочек хлеба от собственного обеда. Завернув белого котёнка в клетчатый фартук, девочка отправилась в свою маленькую экспедицию. На ходу она повторяла про себя один из детских гимнов. По её мнению, он был очень содержательным и его легко можно было выучить и запомнить. Мелодия у него тоже была такой приятной, что Мэдж не могла не полюбить его. Однако Элли совсем забыла о гимне, когда приблизилась ко двору перевозчика и услышала звон цепи за забором. Она боялась не только за себя, но и за своего котёнка. Девочка крепко прижала его к груди и, держалась как можно ближе к противоположной изгороди. Она пробежала мимо этого места лёгким, бесшумным шагом. Наконец остановилась, чтобы поздравить себя с тем, что страшная опасность миновала.

Элли добралась до колючего дерева и, к своему приятному удивлению, обнаружила Мэдж, сидящую под ним на земле! Шатёр стоял на некотором расстоянии, хотя и ближе, чем хотелось бы Элли. Рядом с ним пасся осёл. Над костром, разведённом из хвороста, кипел чайник и поднимался дым.

Я не буду подробно останавливаться на разговоре, который состоялся между двумя маленькими девочками. Элли нашла Мэдж более умной, чем ожидала. Сердце бедного ребёнка, привыкшего к грубости и пренебрежению, с готовностью потянулось к тому, кто проявил к ней интерес. Мэдж не могла сказать Элли, как долго они останутся в этом районе, но она охотно согласилась каждое утро встречаться со своей юной подругой на том месте.

Тени постепенно становились длиннее. Солнце клонилось к западу. На дороге слышались тяжёлые шаги. К ним приближался смуглый, неприятного вида мужчина в низко надвинутой на лоб меховой шапке и с толстой сучковатой дубинкой в руке. Мэдж, как испуганный оленёнок вскочила на ноги и, не попрощавшись со своей подругой, стремглав бросилась к шатру. Мужчина крикнул ей вслед таким тоном, от которого Элли затрепетала. Для неё было величайшим облегчением, когда цыган прошёл мимо, не обратившись к ней и, казалось, не заметив её. Тщательно завернув котёнка в фартук, Элли направилась к деревне. Она услышала отдалённый звук резкого крика боли, доносившийся со стороны шатра. Сердитые слова мужского голоса взволновали её до глубины души. Полная сострадания и жалости к подруге, Элли даже не подумала о собаке. Внезапный прыжок и лай, заставили её ускорить шаги по направлению к своему дому.

Мэдж теперь постоянно была в мыслях Элли. Она старалась найти какой-нибудь способ помочь несчастной, научить её добру и добавить хоть немного сладости в горькую чашу девочки. Элли получала удовольствие от починки старых вещей и изготовления новых. Она приберегала для бедного цыганского ребёнка лакомства и придумывала маленькие сюрпризы. Она искала наиболее подходящие стихи, чтобы научить её, обдумывала интересные истории, чтобы рассказать, и никогда не забывала утром и вечером усердно молиться за несчастную маленькую девочку.

Были ли все эти старания напрасны? Нет! Был один урок, который бедняжка Мэдж легко усвоила - любить свою юную учительницу. Следующий шаг был не очень трудным — любить то, чему она учила. Для безутешной девочки было радостной вестью узнать, что есть Великий и добрый Бог, Который заботится даже о ней! Что даже для цыганского ребёнка приготовлена славная корона! Что она, которая никогда не наслаждалась комфортом дома на земле, может после смерти жить в светлом доме на небесах.

У Элли ещё не было возможности служить Богу или приносить пользу своим ближним; но она сделала всё, что могла. Она нашла одного блуждающего ягнёнка, ободрила одно скорбящее сердце, была проводником для той, у кого не было никого, кто бы мог помочь ей на пути страдания и гибели. О! дорогой друг, можно ли то же самое сказать о тебе? «Спасай взятых на смерть, и неужели откажешься от обречённых на убиение? Скажешь ли: "вот, мы не знали этого"? А Испытующий сердца разве не знает? Наблюдающий над душою твоею знает это, и воздаст человеку по делам его».

Глава XIII.

Друг в нужде.

“Благотворящий бедному даёт займы Господу, и Он воздаст ему за благодеяние его”. (Прит.19:17).

Однажды рано утром Элли отправилась на место встречи, но под старым терновым деревом Мэдж не было. Элли не услышала привычного приветствия цыганочки, босиком бежавшей ей навстречу. Элли тихо позвала её по имени, но никто не ответил. Она посмотрела в ту сторону, где был разбит шатёр, но его там больше не было. Ничто не загораживало ей обзор до самого конца зелёной дорожки! Элли было грустно, но в то же время она была благодарна. Как мало времени ей было отпущено, чтобы она могла послужить бедняжке Мэдж! Но это короткое время не было потрачено впустую. Она поймала возможность на лету, прежде чем, Мэдж ушла навсегда.

- Как бы мне хотелось увидеть её ещё раз. Мне бы хотелось сказать "до свидания" и подарить ей что-нибудь на память обо мне, - думала Элли, медленно идя по дорожке к почерневшему пятну, которое указывало, где цыгане жгли костёр. - Возможно, мы никогда больше не увидимся, пока не встретимся перед великим белым престолом. О, если бы мы обе были по правую сторону! Она любила слушать, когда я рассказывала ей о Господе. Он может уберечь её от искушения и привести к Себе. Она обещала повторять утром и вечером маленькую молитву, которой я её научила. Я думаю, что она будет делать это, хотя бы ради меня. Я уверена, что она полюбила меня... Бедная несчастная маленькая Мэдж. Если бы у меня было время научить её ещё несколькими стихам.

От размышлений Элли отвлёк какой-то звук, нечто среднее между всхлипом и плачем. Звук доносился откуда-то рядом с тем местом, где стоял шатёр цыган. Она остановилась, прислушалась и услышала его снова. Голос был похож на голос человека, находящегося в горьком отчаянии. Элли показалось, что она слышит своё имя. Несомненно, это плакала бедняжка Мэдж. Но если она была там, то рядом могли бы быть и её родители. Элли пришла в ужас при мысли о встрече с цыганами в таком уединённом месте. Поблизости не было ни одного жилья. Она ничего не видела, но этот жалобный крик раздавался снова и снова.

- Это страх перед человеком, удерживает меня сейчас от того, чтобы поступать с другими так, как я хотела бы, чтобы поступали со мной, - подумала Элли. Собрав всю свою решимость, она отважилась углубиться в переулочек. Не успела она пройти и нескольких шагов, как отчётливо услышала голос Мэдж, воскликнувшей с трепетной радостью: - О! это ты, Элли! Наконец-то это ты! Я надеялась, что ты придёшь к дереву, но так боялась, что ты не услышишь моего плача... что ты уйдёшь и оставишь меня здесь умирать с голоду!

- Где ты? - спросила Элли, удивлённо оглядываясь по сторонам и не видя говорившую.

- Здесь, здесь, прямо по другую сторону изгороди.

- Почему ты не выходишь сюда?

- Я не могу... я привязана к дереву! Я была привязана всю ночь! - произнесла бедное дитя, разразившись горькими рыданиями, которые в течение некоторого времени мешали понять слова, которые она говорила.

Не теряя времени Элли направилась к ней. Она вскарабкалась на заросший травой бугор. Не обращая внимания на крапиву, девочка перелезла через низкую изгородь из кустарника. За ней была несчастная Мэдж, привязанная к стволу дерева. Девочка была бледная, измученная плачем и усталостью. Её руки были натёрты верёвкой, которая связывала её и которую она тщетно пыталась разорвать. К счастью, у Элли в кармане был нож, иначе она никогда бы не развязала затянутые узлы. Как только Мэдж освободилась, она, рыдая, упала в объятия своей избавительницы.

- Как жестоко! О, как жестоко было связывать тебя! - воскликнула Элли. - Что ты сделала, чтобы так разозлить их?

- Я ничего не сделала! - говорила Мэдж между рыданиями. - Возможно, они не хотели, чтобы я шла за ними. Им нечего бояться, я бы не пошла, если они не хотели.

- Ты думаешь, что они скоро вернуться? - спросила Элли, робко оглядываясь по сторонам.

- Я так не думаю, - ответила девочка. - Они не сказали мне, куда идут, и не позволили мне увидеть, в какую сторону они пошли. Всё произошло так быстро! Отец вчера поздно вернулся домой и что-то сказал матери - что-то о том, что его узнали. Мать вздрогнула, казалось, испугалась и указала на меня. Потом они шептались, поглядывая на меня каждую минуту. Затем они сложили шатёр и поспешно собрали все вещи. Перед тем, как они ушли, отец привязал меня здесь и сказал, что побьёт меня, если я буду издавать хоть какой-нибудь шум.

- Давай пойдём ко мне домой, - сказала Элли, - и спросим маму, что делать. Ты, должно быть, очень голодная и тебе необходимо немного отдохнуть. Бедная, бедная Мэдж!

Не прошло много времени, как цыганочка уже сидела за сосновым столом миссис Моррис. Перед ней стояла миска тёплого хлеба и молоко. Она чувствовала себя чем-то вроде путешественника после бурного плавания, когда он наконец бросил якорь в гавани. Когда Мэдж наелась, Элли подвела её к своей кровати, где бедное дитя вскоре погрузилось в освежающий сон.

Велик был гнев и негодование Джонаса, старого моряка, когда, вернувшись с утренней прогулки, он услышал от своей сестры историю Мэдж. Мысль о том, что с беспомощным и невинным ребёнком так жестоко обращались и бросили, пробудила в его душе свирепого льва. Его смуглый кулак с поразительной силой опустился на стол, как будто он обрушивал его на цыгана. Поток яростной брани готов был сорваться с его губ, но он вспомнил о своём решении. Джонас могучим усилием сжал губы и позволил своему негодованию вырваться только через его сверкающие глаза.

- Очевидно, - сказала миссис Моррис, - что они сочли бедное дитя обузой. Надеюсь, что у неё появились друзья в этой деревне, они ушли и оставили её, позаботившись о том, чтобы никто не смог их выследить.

- Они... - яростно начал матрос, затем снова плотно сжал губы.

- А теперь, - продолжала миссис Моррис, - трудность в том, как устроить этого бедного ребёнка. Несмотря на все мои усилия, в эти трудные времена мне нелегко содержать собственную семью и отправлять Джонни и Элли в школу. Я не вижу, как я могла бы взять на себя заботу ещё об одном ребёнке.

- Тогда, мама, - сказал Джонни, присутствовавший при этом разговоре, - что ты будешь делать с бедняжкой Мэдж?

- Я не вижу, что я могу сделать, - ответила мать, - как только немедленно отправьте её в богадельню.

- В богадельню! – воскликнул Джонни.

- В богадельню! – эхом повторила Элли. - О, мама, я скорее бы истёрла пальцы до костей, чем отослала бедняжку Мэдж прочь! Я могу делиться с ней моей едой и постелью.

Миссис Моррис печально покачала головой, но Элли была слишком серьёзна, чтобы её можно было легко переубедить.

- Я могла бы что-нибудь зарабатывать... я могла бы, мама! Ты знаешь, что миссис Мант сказала, что я могла бы помочь ей в починке одежды! - и девочка умоляюще посмотрела в лицо матери.

- Моё дорогое дитя, то, что ты могла бы заработать, не обеспечило бы Мэдж достаточным количеством пищи для поддержания жизни.

- Я мог бы зарабатывать что-нибудь колкой дров, - начал Джонни, а затем резко остановился. - Но я ненавижу работу и не хотел бы связывать себя этим! Не годится начать, а потом не в состоянии продолжить, - я так понимаю.

- Это совсем не годится, - ответила миссис Моррис.

Джонас сидел в глубокой задумчивости, как будто делал какие-то глубокие подсчёты на пальцах. Дело было в том, что у старого моряка было такое же горячее сердце и такое же сильное желание помочь отверженному, как и у любого из присутствующих. Но его средства для этого были очень малы. Большая часть его небольшой пенсии регулярно выплачивалась сестре, чтобы покрыть расходы на питание и проживание моряка. То, что Джонас оставлял для себя, было такой мелочью, что её едва хватало, чтобы снабдить его одеждой и пополнить его кисет табаком. Но он, как и Элли, считал, что Всевышний поручил им заботиться об этой одинокой незнакомке. Мысль о том, чтобы отправить её в богадельню, была противна его доброй натуре. Джонас снова и снова перебирал в уме способы содержания ребёнка до тех пор, пока она не сможет что-то делать для себя. Наконец он пришёл к решению.

- Да, - пробормотал он себе под нос, - да, так я и сделаю! Может быть, поначалу это будет мне чего-то стоить, но это правильно, и я это сделаю! Цыганская девчонка получит мою трубку!

Дети не могли удержаться от смеха. – Большая же польза ей будет от этого! – воскликнул Джонни.

- Это по-твоему, юнкер, - довольно раздражённо сказал Джонас. - Ты даже не знаешь, как сложить два и два вместе. Что пользы от трубки без табака? И как можно получить табак без денег? - продолжал он, повышая голос. - Деньги, на которые я покупаю табак, купили бы хлеб для цыганки. И твой небольшой заработок, моя девочка, - добавил он, обращаясь к Элли, - вдобавок к моим сбережениям, мог бы помочь удержать маленькую лодку на плаву, не приводя её на грубый берег богадельни.

Элли в восторге захлопала в ладоши. Глаза миссис Моррис заблестели. - Мой дорогой брат, - сказала она, - я не буду отставать от тебя в этом труде любви. Если ты думаешь о такой жертве...

- Думаю! - грубо ответил Джонас. - Это не думы, а действие! - Решительно подойдя к камину, он взял свою трубку и разломил её надвое! Но он не смог удержаться от вздоха, когда посмотрел на осколки.

- Вам не нужно было ломать её, - заметил Джонни, - она бы не причинила вреда там, где она была.

- Это было бы искушением, - ответил Джонас, потирая подбородок. - Она всегда вызывала бы у меня желание покурить. Если бы я не сломал свою трубку, возможно, я бы нарушил своё решение.

- Боюсь, ты будешь очень скучать по ней, - сказала миссис Моррис.

Как сильно бедный старый моряк скучал по своей трубке, могут понять только те, у кого, как и у него, была привычка курить. Для них трубка становится такой же необходимостью, как ежедневная еда. Эту привычку, я надеюсь, никто из моих юных читателей не усвоит. Расходы на неё совсем не маленькие. Джонас привык курить с юности. Он смотрел на свою трубку как на утешителя и компаньона. Отказавшись от неё, он пожертвовал большим, чем леди, оставившая свою карету, или охотник, продавший своих охотничьих собак. Его монетки были более ценным вкладом, чем были бы их сотни долларов.

Теперь Мэдж была счастливой обительницей дома, чьи простые удобства казались ей роскошью. Его обитатели соперничали друг с другом в проявлении к ней доброты. За исключением школьного времени или когда она была занята едой, маленькие ручки Элли были заняты с утра до вечера. Даже Джонни попробовал своё мастерство в ремонте старой пары туфель своей сестры для Мэдж. К его собственному восхищению они ему нравились больше, чем кому-либо другому. Мэдж была теперь опрятной и чистой, её волосы подстрижены и причёсаны, а дырки на одежде заштопаны. Перемена в её внешности была настолько велика, что Джонас сказал, глядя на неё со спокойным удовлетворением, что "он не узнаёт эту девочку". Теперь в голубых глазах Мэдж было яркое, счастливое выражение. Она не вздрагивала, когда к ней внезапно обращались, и не боялась, что её ударят.

Если внешние перемены были столь велики, то вполне вероятно, что внутренние окажутся ещё более поразительными. Мэдж была послушной и охотно обучалась. За время, пока она находилась под крышей миссис Моррис, девочка получала самые лучшие и высокие наставления.

Различия между добром и злом, правдой и ложью, честностью и воровством с каждым днём становились для ребёнка всё более и более ясными. Она постепенно узнавала то, что побуждало её отказываться от зла и выбирать добро.

Мэдж пробыла в своём новом доме не так уж много дней. Однажды, к удивлению маленькой семьи, собравшейся тогда за обеденным столом, у входа остановилась почтовая карета. Джентльмен, одетый в чёрное, с газетой в руке, вышел из кареты и, постучав в дверь, хотя она была открыта из-за жары, прошёл прямо на кухню.

- Прошу прощения, пожалуйста, сидите, — сказал он, слегка махнув рукой, когда семья встала при его появлении. - Могу я спросить, это семья Моррис? - взглянув на свою газету, затем на мать Элли, спросил он.

Удивлённая и слегка встревоженная неожиданным визитом, миссис Моррис ответила лишь лёгким кивком. Джонас пробормотал что-то о “сухопутной акуле”, в надежде, что никто не услышал.

- Я так и думал... хм! - произнёс адвокат. - Меня направили к вам как к человеку, который мог бы дать мне некоторую информацию о передвижениях группы цыган, по следу которых я шёл последние десять дней.

- Знаете сэр, я мало что о них знаю, - ответила миссис Моррис. - Несколько цыган были в этом районе около недели назад.

- Но они подняли все паруса в прошлый четверг вечером, - добавил моряк.

- Высокая женщина и мужчина с повязкой на глазу, - сказал адвокат, снова заглядывая в газету.

- Это они, - воскликнул Джонас. - Отвратительная пара, и намного хуже, чем выглядят.

- Не могли бы вы сказать, в каком направлении они пошли? - спросил незнакомец, обращаясь к моряку.

- Нет, сэр, - ответил честный Джонас.

- С ними был ребёнок, не так ли? Маленькая девочка.

- У них был ребёнок, сэр, но они привязали её, как собаку, и бросили, когда сбежали.

- Ха! - нетерпеливо воскликнул адвокат, - и знаете ли вы, где она может быть сейчас?

- Я думаю, что где-то её видел, - сказал Джонас, оглядываясь в поисках бедняжки Мэдж. Встревоженная тем, что оказалась предметом разговора, девочка спряталась за своей маленькой подругой Элли.

Теперь всё внимание адвоката было приковано к Мэдж. Он устремил свой пронзительный взгляд на робкого ребёнка, безжалостно расспрашивал и допрашивал её не только о событиях, произошедших в последнее время, но, как показалось Джонни и Элли, обо всём, что могло произойти за всю жизнь цыганочки. Обед на столе совсем остыл. Незнакомец, по-видимому, так же мало заботился о голоде семьи, как и о чувствах Мэдж. Он записал большинство ответов, которые слетали с её робких, неохотных губ. В заключение он предложил ей поехать с ним в почтовой карете, так как у него было очень важное дело, связанное с ребёнком.

Для бедняжки Мэдж это было уж слишком. Она крепко вцепилась в Элли и, заливаясь слезами, умоляла, чтобы её не отправляли.

- Что если бы я отвёз тебя в прекрасный дом и к хорошим друзьям, моя дорогая? - вкрадчиво спросил адвокат. - Я могу сказать, что ты не родилась цыганкой, и те, кто

бросил тебя, не были твоими настоящими родителями. Ты была давным-давно украдена теми, кто выдавал тебя за своего ребёнка. Твоя мать, миссис Эверард, с тревогой разыскивала тебя в течение многих лет. Она будет рада узнать, что наши поиски наконец увенчались успехом.

Элли и Джонни издали возгласы удовольствия и удивления. Джонас изумлённо присвистнул. Но Мэдж едва ли поняла хорошие новости. Она цеплялась за свою любимую подружку и рыдала, повторяя, что не хочет уходить. Она не хотела уходить с этим человеком!

- Что ж, - сказал адвокат с улыбкой после нескольких тщетных попыток внушить ей доверие, - очевидно, что она в безопасности и довольна там, где сейчас находится. Пусть она пока останется здесь. Её мать придёт сама и заберёт свою потерянную овечку у тех, кто так гостеприимно предоставил ей приют и защиту.

Было бы трудно описать все разговоры, удивления и догадки, которые происходили в доме миссис Моррис после того, как адвокат уехал. Новость распространилась по деревне со скоростью лесного пожара. В историю, которая сама по себе была достаточно странной, были внесены всевозможные дополнения. Вскоре кухня была до отказа заполнена соседями, жаждущими новостей. Ещё до наступления ночи терпение Джонаса было изрядно истощено ненасытными любителями новостей. Его трубка, если бы она у него была, оказалась бы в неминуемой опасности.

Человеком, который казался наименее взволнованным и обрадованным, была сама бедняжка Мэдж. Она предпочла бы остаться с Элли и её матерью до конца своих дней, чем жить во дворце и быть дочерью королевы. Девочка была похожа на усталую, раненую птицу, которая нашла мирное гнездо. Мэдж была слишком молода и невежественна, чтобы понять все причины, по которым ей могло быть выгодно уйти из этого гнёздышка ради другого.

Но на следующий день Мэдж была самой счастливой девочкой, когда оказалась в объятиях матери — настоящей матери! Она с любовью и радостью, струящимися из её глаз, прижимала свою давно потерянную дочь всё крепче и ближе к сердцу. Казалось, будто она хотела держать её там вечно. С чувством понимания, миссис Моррис и её семья удалились в маленькую комнату Джонаса и закрыли дверь, чтобы не мешать своим присутствием бурной радости этой встречи. Что леди сказала Мэдж или Мэдж матери, они не знали. Но то, что ребёнок рассказал о щедрой доброте своих друзей, было легко увидеть. По желанию матери Мэдж позвала их поговорить с ней. Миссис Эверард с глубоким волнением пожала руку миссис Моррис. Со слезами на глазах она благодарила её и настояла на том, чтобы она приняла от неё в качестве признательности сумму, которой хватило бы на покрытие расходов бедняжки Мэдж в течение многих лет!

Карета леди была заполнена подарками для детей. Красивые книги, изысканные сладости и пирожные покрывали простой стол. Никогда ещё он не был завален такой кучей вкусных вещей! Элли была одета с головы до ног в более красивую одежду, чем она когда-либо носила. Мэдж настояла на том, чтобы она надела её немедленно, чтобы посмотреть, как Элли выглядела в ней. Она смеялась и от восторга хлопала в ладоши, как будто это было для неё величайшим удовольствием из всех. Джонни было стыдно принимать многочисленные подарки. Он чувствовал,

что совсем не заслужил их — он сделал так мало, ничем не пожертвовал, чтобы обеспечить комфорт незнакомки.

Внезапно Мэдж пришла в голову мысль, которая на мгновение омрачила её светлое маленькое личико. Она подбежала к матери, с детским рвением схватила её за руку и, указывая на старого Джонаса, который с искренним удовольствием наблюдал за происходящим перед ним, спросила громким шёпотом: - Ты ничего не принесла для него?

- Да благословит тебя Господь, дитя! - воскликнул честный моряк. - Я ничего не хочу, кроме такого зрелища, как это! Это так же хорошо, как вид белых скал по возвращении домой!

- Он был так добр, очень добр! — продолжала Мэдж, не замечая, что её прервали. - Он сломал свою трубку и бросил курить, чтобы меня не отправили в приют. Это мне Элли сказала, а Элли всегда говорит правду. Он должен съесть кусочек торта.

В завершение речи Мэдж все собравшиеся рассмеялись. Джонас смеялся громче всех. Миссис Эверард нежно обняла свою маленькую девочку. - Может быть, мы придумаем что-нибудь, что понравилось бы нашему хорошему другу больше, чем торт? - мягко предложила она.

Мэдж с тоской посмотрела на Элли, своего обычного консультанта и друга. Неожиданно её лицо озарилось. - Я знаю! Я знаю! - воскликнула она. - Однажды я слышала, как он сказал, что хотел бы иметь такое стекло, как на борту корабля. Он показал бы нам далёкие холмы и горы на луне.

- У него будет телескоп, - сказала миссис Эверард, - и один из лучших, какие только существуют.

Леди сдержала своё слово, и моряк на следующий день стал счастливым обладателем того, о чём давно мечтал. Хотя то, что такое желание когда-нибудь исполнится, он никогда не думал.

- Мне кажется таким странным, - прошептала Элли Мэдж, - очень странным, что нас так благодарят и вознаграждают за такие маленькие добрые поступки. Я не думаю, что такое когда-либо случалось раньше.

- Дитя моё, ты ошибаешься, — сказала миссис Эверард, случайно услышавшая этот разговор. - Каждый день происходят ещё более удивительные вещи, прообразом которых является нынешнее событие. Самый бедный, самый слабый малыш, который страдает на земле, нуждается в руке христианской доброты. Ведь это ребёнок невообразимо богатого, бесконечно великого Отца, Который обязательно заметит и тысячекратно вознаградит малейшую доброту, проявленную ради Него. Ничто, отданное ради Него, никогда не теряется. Никакие усилия, приложенные для благотворительности, не забываются. «Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» - это слова Того, Кто держит в Своих руках все сокровища земли и небес. Возможно, мы не увидим награды в этом мире — но, несомненно, мы увидим её в следующем. Какими бы ничтожными ни были наши услуги, Всемогущий Бог принимает их. «Благотворящий бедному даёт взаймы Господу, и Он воздаст ему за благодеяние его».

Глава XIV. Старый бедняк.

“Глупость человека извращает путь его, а сердце его негодует на Господа”
(Прит.19:3).

- Очень, очень тяжело в старости быть доведённым до нищеты! Быть заброшенным своими друзьями, покинутым своими детьми, оставленным влачить утомительные дни в таком ненавистном месте, как это!

Таковы были слова несчастного старика, который, беспомощный, прикованный к постели, изливал свою жалобу благотворительнице богадельни.

- Но, мой друг, - возразила леди, - мы должны помнить, что эти испытания посланы милостивым и милосердным Богом, Который «не по изволению сердца Своего наказывает и огорчает сынов человеческих».

- Всё это хорошо говорить тем, кто не знает, что такое неприятности, - сказал старый Сэм Батлер тоном брюзгливой раздражительности. - Где проявленная ко мне милость? Когда-то я был сильным, энергичным молодым человеком, лучшим игроком в крикет и в футбол. А теперь я не могу даже проползти через эту ненавистную комнату! Когда-то у меня был собственный хороший магазин, в который как пчёлы набивались покупатели. А теперь, если бы не богадельня, у меня не было бы и крыши над головой! Когда-то меня окружали жена и дети... процветающая, добрая семья. А теперь моя жена в могиле, а дети разбросаны по всему миру. Никто из них даже не интересуется, жив старик или мёртв! О! Это очень тяжело! Это очень, очень тяжело!

- Но есть утешения и надежды, которых ни старость, ни болезни, ни пренебрежение людей, ни бедность, никогда не смогут нас лишить.

- Не говорите мне о них! - сердито крикнул старый нищий. - Я знаю всё, что вы собираетесь сказать, но в этих вещах для меня нет ни утешения, ни надежды. Я никогда не находил их в свои лучшие дни, и вряд ли найду сейчас!

Посетительница выглядела огорчённой и расстроенной. Ей не терпелось обратиться с доброй вестью к несчастному старику, но из-за его горечи духа и непокорности воли ей было трудно обратиться к нему. Думая, что размышления о чужих испытаниях могут отвлечь его от его собственных мыслей или дать ему косвенный урок смирения перед ними, она сказала после нескольких минут колебания: - Недавно я навещала того, кто испытал много страданий — бедного человека по имени Чарльз Хейс.

- Чарльз Хейс! — перебил нищий. — Да разве я его не знаю? Это мой школьный товарищ, когда я был мальчиком, и мой сосед в течение долгих двадцати лет! Я всегда говорил, что он закончит в богадельне! С его плохим здоровьем и глупыми угрызениями совести и тратой заработанных монет... Для него всё было неправильно, что не соответствовало его странным предрассудкам. Он помогал другим, когда ему едва хватало на себя! Я всегда говорил, что он дойдёт до богадельни. И всё же, посмотрите, что это за мир! - продолжал Батлер с возрастающим негодованием. - Как только он совсем слёг, дворяне начинают

ласкать и баловать его, как если бы он был одним из них! Помещик устраивает его в своём доме, дамы присылают ему одеяла и бульон, и священник с удовольствием навещает его. За ним присматривают днём и ночью с такой заботой, как если бы он был одним из господ страны!

- О нём заботится сирота, которую он воспитал.

- Другие люди тоже воспитывали детей, - воскликнул нищий с чем-то похожим на стон, - и не находят в них утешения. У Чарльза Хейса никогда не было собственного ребёнка, но когда он заболел, она ему как дочь. Он всегда был беден, но теперь, в его возрасте, я не верю, что он в чём-то нуждается. Возле него, кажется, везде друзья, куда бы он ни повернулся. Говорят, что, несмотря на его слабость и боль, он считает себя довольным и счастливым! О! Какой несправедливый мир! Какой ужасный мир! Почему его судьба должна так отличаться от моей? Почему у него должен быть покой, а у меня нет ничего, кроме неприятностей? Почему его друзья рядом с ним, а мои все покинули меня? Почему я доживаю свои дни в богадельне, а он отдыхает в собственном доме?

Ответ был на губах посетительницы, но боясь ранить чувства нищего она не произнесла вслух: потому что «Благословение Господне — оно обогащает и печали с собою не приносит». Было бы бесполезно пытаться указать жалующемуся старику, как благочестие, даже в этом мире, приносит свою награду. Леди не знала о событиях жизни Батлера, чтобы понять, насколько его нынешние страдания были естественными последствиями его собственного поведения. "Я" всегда было его главной целью. Удовлетворение "я" было целью его жизни. Он не служил Богу во времена своего здоровья и не хотел обратиться к Богу в час своей беспомощности и нужды. Он не сделал ничего, чтобы принести пользу людям. Теперь никому не было до него дела. Сострадание могло бы побудить некоторых, как эту леди, провести несколько минут рядом с ним, но это была неприятная обязанность.

Сэм Батлер вступил в жизнь без каких-либо плохих перспектив. Он был наделён жизнерадостным характером, крепким здоровьем, хорошим образованием и добрым именем. Обосновавшийся в комфортной обстановке, он, казалось, мог преуспеть в этом мире и прожить очень благополучную жизнь.

Первой большой ошибкой, которую совершил Батлер, была женитьба из-за денег. Его хозяин был стар и немощен. Он готов был бросить своё дело, как только его единственная дочь выйдет замуж за человека, способного помочь ему в его деле. Бетси не была привлекательна внешне, манеры её тоже были не из лучших. Она была гордой, вспыльчивой и своевольной, с совершенно мирским сердцем, в котором благочестию не было места. Сэма не она привлекала, но его очень интересовал магазин. Перед Господом он поклялся до самой смерти любить и лелеять женщину, которую втайне презирал.

Униженный в собственных глазах своим мирским браком, Батлер вскоре обнаружил, что продал своё счастье за золото. Он лишил себя уютного весёлого, мирного дома. Всякий раз, когда он переступал порог своего дома, он слышал раздражительный голос своей жены, пребывающей в дурном настроении. Неудивительно, что он часто проводил вечера в местах, в которые для него было бы лучше никогда не заходить. Он искал удовольствия, которого не мог найти у своего собственного очага!

В то время Чарльз Хейс был ближайшим соседом Сэма Батлера. Он женился на той, кто, как и он сам, служила Богу со смиренным сердцем и весёлым, довольным настроением. Если дом Чарльза и был скромным, он был мирным. У него было мало благ этого мира, но он их и не искал. Труд и нищета были его уделом, но благочестие и любовь смягчали всё.

Несчастье, от которого не избавлены даже самые верные слуги Божьи, было послано и в коттедж Чарльза Хейса. Его любимая неожиданно была оторвана от него. Для христианина было тяжким испытанием, когда он стоял у могилы молодой жены, которая была ему дороже всего на свете и которая была достойна его любви. Но его печаль была не лишена надежды. Он с нетерпением ждал, даже когда горе повергло его сердце в прах, благословенного воссоединения там, где никогда не будет разлуки. Хотя смерть унесла его жену, он мог думать о ней не как о “потерянной, но ушедшей раньше”. Когда время смягчило остроту его боли, не было большего удовольствия, как сладкое воспоминание о годах, проведённых в счастье с той, которая теперь была на небесах!

У Сэма Батлера была семья и, как он с гордостью говорил, во всей деревне не было детей таких здоровых и красивых, как его собственные. Он не испытывал недостатка в родительской любви. Было приятно видеть его вечером, когда дневные дела были закончены, с одним малышом, сидящим у него на плече, а другим, крепко держащимся за его руку. Вместе они бежали вниз по усыпанному маргаритками склону за третьим. Воздух звенел от их веселья.

Сэм придумывал замечательные проекты для своих детей и без конца строил для них воздушные замки. Патрик должен был получить блестящее образование. Возможно, он отличится своими талантами и поднимется до самого высокого положения. - Мы ещё увидим тебя консулом! - восклицал гордый отец, хлопая своего мальчика по спине. Малыш был резвым и остроумным, иногда он говорил что-нибудь непочтительное, но безнаказанно.

Дэн, согласно планам Батлера, должен заниматься магазином. Он должен успешно заработать деньги, поехать в Лондон и со временем стать членом совета. Там он будет есть черепаху, развлекать принцев и, возможно, закончит тем, что будет избран мэром! Что же касается Нины, его прекрасной маленькой Нины, то у Батлера были на её счёт ещё более дикие предположения.

Но была одна вещь, которую Батлер упустил из всех своих расчётов. Он никогда не вспоминал, что “человек предполагает, а Бог располагает” и что только благословение Всемогущего может сделать его детей процветающими или счастливыми. Он пренебрёг тем, чтобы наставлять своих детей на путь, по которому они должны идти. Скорее, он сам вёл своих детей по пути, по которому они не должны были идти. Когда они состарились, они не отступили от этого.

Чарльз Хейс однажды пришёл к Батлеру, крепко держа за плечо, сопротивляющегося, перепуганного Патрика. Мальчик, с губами, перепачканными вишней, и карманами, из которых сыпался крыжовник, предстал перед своим отцом в образе вора.

- Мне очень жаль, - начал Чарльз, - но я нашёл вашего мальчика в своём саду и, боюсь, это не в первый раз. Я подумал, что лучше всего сразу же привести его к отцу,

чтобы он мог получить от вас такое наставление, которое сделает его лучшим и честным мальчиком.

- Что ж, - небрежно сказал Батлер, - мне жаль, что он натворил бед в вашем саду, сосед, но такова природа мальчиков - любить фрукты. Мы должны помнить, что когда-то тоже были детьми.

- Я переживаю не за плоды, - сказал Чарльз, - но мне больно видеть этот грех. Каждая река когда-то была ручьём, и дуб – жёлудем. Мальчик, который незаметно крадёт вишню с дерева, может закончить свои дни в тюрьме как вор!

Сэм взял своего мальчика под подбородок, и велел ему запомнить то, что он услышал. Затем он отвернулся с каким-то шутливым замечанием о том, с какой лёгкостью те, у кого нет собственных детей, могут воспитывать чужих детей.

- «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына», - подумал Чарльз Хейс, медленно возвращаясь в свой коттедж.

Магазин Батлера был одним из тех, в котором продавались разнообразные пирожные и сладости. По воскресеньям он неизменно держал его открытым. - В этот день я зарабатываю больше, чем в любой другой день недели, - обычно говорил он. - Никто, кроме глупого, не стал бы нищенствовать ради праздных угрызений совести. Я держу свою совесть в кассе!

Магазин Батлера в воскресенье был переполнен больше обычного. Это был тот день, который нам заповедано хранить свято. Получал ли он пользу, невзирая на непослушание? Он думал, что да. Нина одевалась богаче и его собственный стол был накрыт лучше. У его мальчиков было больше развлечений, он мог пить больше, чем если бы, как его сосед, он посвящал себя отдыху и молитве. Но действительно ли он стал лучше из-за своих нечестивых приобретений? Была ли его жена или дети лучше?

О, нет! пример, который он подавал, компания, которую он поддерживал, медленно, но уверенно развращали и разрушали источник его земного счастья. Рассказывают об испанском генерале, который так любил деньги, что враги, в руки которых он попал, в насмешку над его алчностью пытали и убили его, заливая расплавленное золото ему в горло! Таким образом часто делает сатана. Незаконно приобретённые деньги он употребляет, чтобы мучить несчастных существ, которые продали свою совесть, чтобы получить их. В них нет благословения, и с ними нельзя ожидать благословения. Нечестно нажитое богатство сокрушит своего владельца под своей тяжестью!

Постепенно Батлер приобрёл в тавернах, куда его приводил нрав жены, вкус к спиртным напиткам. Он был, что называется, “весёлым парнем”. Если воскресные утра он проводил в магазине, то воскресные вечера - в пивнушках. Он любил ставить своего маленького Дэна на стол и просить ребёнка спеть песню. Затем, когда мальчик своим пением заставлял всех присутствующих громко смеяться, отец вознаграждал его, давая ему глоток из наполненного до краёв стакана. Бедный мальчик! Для него было бы лучше, если бы к его губам поднесли яд!

Нину тоже вызывали, чтобы воскресные гости отца восхищались и льстили ей. Таким образом семена глупости и тщеславия бросали в почву, которая была готова принять их.

Когда дети Батлера были ещё маленькими, их мать умерла. Муж почти не сожалел о её смерти, и всё же это оказалось для него немалым несчастьем. Её вспыльчивый характер делал его дом уютным, но она сохраняла в нём образцовый порядок. Она имела некоторое влияние на своих детей. Хотя мать никогда не наставляла их юные умы в Слове Божьем и не вела их к добродетели и счастью, всё же это влияние было некоторым ограничением, по крайней мере, на их внешнее поведение. Теперь все ограничения для них были сняты.

С каждым годом они становились всё более неуправляемыми и дикими. Их расточительность опустошала кошелек отца гораздо быстрее, чем его доходы могли его пополнить. Если из-за греха нарушения дня Господня казалось, что деньги легко наполняют его, то другие грехи, к которым привело нарушение этого дня, создавали дыры, через которые эти деньги ускользали. Батлер становился всё беднее и беднее. Он стал пить больше, чтобы заглушить мысли, и тем ускорил гибель, которой так боялся. Он стал неаккуратен в работе, отчего все порядочные клиенты отказались от него. Товарищи у него всё ещё были, но друзей не было. Он пренебрегал своим здоровьем, теперь оно подвело его. Ни один из его сыновей, хотя и умные юноши, не был достаточно самостоятельным, чтобы занять его место в магазине.

Батлер падал, неуклонно падал, переходя от одной стадии разорения к другой. Он видел, как все его удобства одно за другим исчезают. Болезнь омрачала его прекрасные надежды и как червь разъедала корень его радостей. Он видел, как его дочь, некогда его гордость, без его согласия глупо вышла замуж за никчёмного, распущенного солдата, который увёз её в далёкую страну, где отец больше никогда о ней не слышал. Он видел, как его мальчики вырастают беспринципными людьми, непокорными сыновьями, — один пьяница, другой вор! Он вынужден был расстаться со своим домом и в старости искать унылого убежища в богадельне.

Батлер с горечью роптал на Провидение, которое, по его мнению, привело его к несчастью. Он горько жаловался на бедность, покинутость и слабость разбитого тела. Однако он пожинал то, что посеял! Потворство своим желаниям, своеволие, поклонение себе приносили свои естественные плоды. То, что Батлер называл своими несчастьями, было всего лишь первой частью жалкой платы за грех. “Глупость человека извращает путь его, а сердце его негодует на Господа”.

Глава XV.

Красивая усадьба.

“Милovidность обманчива и красота суетна; но жена, боящаяся Господа, достойна хвалы” (Прит.31:30).

Джесси Уорнер стояла перед трюмо, с безмолвным восторгом разглядывая своё отражение. Отражение и в самом деле было очень красивым, хотя, возможно, не весь мир восхитился бы им так сильно, как тщеславная юная леди. Она вплела цветы в свои роскошные волосы. Девочка приглаживала каждый локон, пока он не лёг на её белую шею, сияющую, как полированное золото. Она улыбалась отражению в зеркале, которое в ответ тоже улыбнулось, обнажив ровный ряд жемчужных зубов. Джесси была слишком очарована своим занятием, чтобы думать о стопке учебников, которые лежали нетронутыми на столе. Забыла она и о незаконченной блузке рядом с ней, которую её ленивые маленькие пальчики не смогли закончить за целый месяц.

Джесси не заметила, когда вошла миссис Уорнер. То, что вызывало улыбку у дочери, стоило матери вздоха.

- Моё бедное дитя так увлечено созерцанием своего собственного хорошенького личика, что пренебрегает и забывает обо всём остальном! - Таковы были размышления миссис Уорнер. - О, как мне объяснить ей бесполезность того, что только поверхностно - того, что время изменит, и любой час может испортить!

Она сделала несколько шагов вперёд, и её отражение в зеркале впервые заставило Джесси осознать присутствие матери.

- Ох, мама! - воскликнула она, - я не знала, что ты здесь! - на щеках Джесси вспыхнул румянец. Ей было неловко, что её застали за тем, что она восхищалась собственной красотой. Миссис Уорнер взглянула на книги и незаконченную работу, но ничего по этому поводу не сказала. Она просто спросила дочь, не хочет ли она прогуляться? Мать предложила ей сопровождать её в дом на некотором расстоянии, куда она собиралась по делу.

- С большим удовольствием! — воскликнула Джесси, поспешно снимая с головы цветочный венок. Она так спешила, что многие цветочные лепестки рассыпались по полу.

- Сегодня цветы были очень яркими и красивыми, какими же они будут завтра? — заметила леди.

Джесси ничего не ответила, но поспешила надеть шляпку и накинуть на плечи шаль.

Миссис Уорнер давала своей дочери деньги на одежду, поэтому Джесси могла выбирать её сама по своему собственному вкусу. Следует признать, что её наряд больше отличался яркостью цветов, чем качеством материалов. Больше внимания уделялось тому, чтобы он был модным, чем практичным. Деньги часто тратились на дорогой предмет одежды, когда требовалось что-то необходимое.

Шляпка Джесси была украшена розовыми бантиками и цветами, а руки - красивыми браслетами. Но перчатки её были такими старыми, что сквозь них

проглядывали пальцы, а туфли были сильно стоптаны на задниках, и она не могла не шаркать при ходьбе. Джесси нуждалась в хорошем обычном платье, в котором она могла бы бегать по саду и играть со своими юными подружками, не опасаясь порвать или испачкать его. Но девочка выбрала платье нежного оттенка и непрактичную, тонкую ткань. Надевая его, она никогда не чувствовала себя свободно.

Миссис Уорнер и её дочь продолжали свой путь по зелёным тенистым аллеям и через усеянные маргаритками луга. Ничто не омрачало удовольствия их прогулки, за исключением ежевики, которая всегда цеплялась за оборки бедной Джесси, и перелазов, которые ей было трудно преодолеть из-за её узкого платья. Наконец они подошли к дому в чрезвычайно красивом месте.

На изумрудной лужайке, окружённой деревьями, стояла усадьба, которая могла бы быть обителью принцессы, так изящна была её форма. Её причудливые минареты были просто загляденье. Фигурные окна из цветного стекла, были украшены гроздьями роз и жасмина. Великолепный вьюнок обвивал одну из тонких резных колонн крыльца; другая колонна была наполовину скрыта жимолостью. В центре здания возвышалась декоративная башня с часами, её позолоченная вершина блестела на солнце! В своём восхищении этой причудливой красотой Джесси не заметила, что стрелки башенных часов указывали не на тот час, потому что были неподвижны. Часы вышли из строя.

- Ох, - воскликнула девочка, - какое чудесное место! Как было бы чудесно жить здесь! Как можно было бы гордиться, если бы оно было нашим собственным!

- Снаружи дом действительно красивый, — довольно сухо сказала миссис Уорнер. - Но на дома, как и на тех, кто в них живёт, недостаточно смотреть только снаружи. Мы должны посмотреть дальше, прежде чем решить, являются ли они предметами гордости или восхищения.

Они вошли на красивое крыльцо, и миссис Уорнер дёрнула за ручку звонка. Ручка отломилась и осталась у неё в руке. Увидев, что дверь открыта, они вошли в дом.

Внутренняя часть жилища странно отличалась от того, что Джесси ожидала увидеть. Дом носил все признаки запущенности. Он был либо необитаемым, либо живущие в нём не обращали внимания на чистоту и комфорт. Штукатурка на стенах частично облупилась. На полах не было ковра, и пыль лежала на них таким толстым слоем, что шаги посетителей оставляли отпечатки следов! В гостиной, куда миссис Уорнер вошла в надежде найти другой звонок, не было даже самых обычных стульев и столов. Джесси села на скамейку и едва не упала, потому что одна из ножек подломилась даже под её лёгким весом!

- Какой позор так плохо относиться к такому красивому дому! - воскликнула она. - Я никогда не видела такого запущенного места! Только посмотри на тусклые пятнистые рамы с картинами и грязную паутину по углам комнаты! Какой смысл иметь красивый дом, если в нём нет ничего, кроме мусора?

- В самом деле, что в этом толку! - ответила миссис Уорнер, снова пробуя дёрнуть за старую верёвку звонка. - Но дома - не единственные вещи, которые нуждаются в мебелировке. Мне кажется, что недалеко от меня есть кто-то, кто иногда ведёт себя так, как будто она думает, что не имеет значения, насколько пустой может быть голова, только бы она хорошо выглядела для глаз.

- Ну мама! - воскликнула Джесси, смеясь, но всё же слегка раздосадованная. - Головы и дома - совсем разные вещи!

- На мой взгляд, - ответила миссис Уорнер, - необустроенный разум очень похож на необустроенный дом, только гораздо более печальный. Молодость - это прежде всего время для того, чтобы развивать богатый интеллект. В это время мы можем заложить в себя почти безграничный запас ценной информации, увеличивающийся с каждым днём нашей жизни. Никто не слишком стар, чтобы учиться.

- Но учёба такая утомительная! - вздохнула Джесси.

- Она нам кое-чего стоит, моя дорогая. Как и богатая мебель, она не может быть приобретена по простому желанию, но достойна тех хлопот, которых требует. Запомни, Джесси, что разум, как и дом, не может быть полностью пустым. Там, где учёбой пренебрегают, поселяется глупость, собирается пыль, паук плетёт свою паутину. Если мы не учимся, мы проигрываем. Разум, предоставленный самому себе, - это разум, оставленный на распад!

- Интересно, живёт ли здесь кто-нибудь? - сказала Джесси, ей не терпелось сменить тему разговора. - На звонок никто не реагирует.

- Я думаю, что мы найдём мадам Л'Эйм в одной из верхних комнат, - ответила мать. - Она хорошо знает меня и поэтому не сочтёт мой визит вторжением. Кроме того, сегодня она ожидает меня, так как я должна поговорить с ней по важному делу, касающемуся большого имущества, наследницей которого она является.

В сопровождении дочери миссис Уорнер поднялась по широкой пыльной лестнице. Джесси почувствовала некоторое любопытство увидеть хозяйку прекрасного, но запущенного поместья. Они поднялись на лестничную площадку, где миссис Уорнер постучала в дверь одной из верхних комнат. Поскольку на стук не последовало ответа, леди постучала снова. Неожиданно пронзительный голос приказал ей войти. Они с Джесси вошли в комнату, такую же неприглядную, как и остальная часть дома.

Здесь не было недостатка в мебели, но всё было в невообразимом беспорядке, как будто всё свалено в кучу. В одном углу комнаты служанка, стоя на коленях, вырезала картинки из старых журналов мод. Фигурки красавиц с тонкой талией и кокетливо выглядящих кавалеров она наклеивала на большой лист бумаги. Это Джесси заметила, когда у неё было немного свободного времени, чтобы осмотреться. Но сначала её внимание привлекла хозяйка дома, которая вышла навстречу миссис Уорнер.

Мадам Л'Эйм была маленького роста, настолько маленького, что казалась почти карликом. Выглядела она ниже, чем была на самом деле, из-за привычки постоянно сутулиться. Она редко поднимала глаза, которые беспокойно бегали взад и вперёд, как будто ища что-то на полу. Рот она обычно держала слегка приоткрытым. Лицо имело пустое, глупое выражение, что с первого взгляда натолкнуло Джесси на мысль, что у этой леди очень мало здравого смысла. Поведение мадам Л'Эйм на протяжении всего визита подтвердило это впечатление.

Миссис Уорнер вскоре приступила к очень серьёзному и важному делу. Это касалось прав леди на наследование огромным имуществом и даже её прав на всё, чем она тогда владела. Мадам Л'Эйм относилась так, как будто считала, что этот предмет не заслуживает даже минутного внимания. Она постоянно перебивала

миссис Уорнер каким-нибудь легкомысленным замечанием, которое не имело никакого отношения к обсуждаемому вопросу. Её гораздо больше занимали трюки и забавы Плезира - любимой и избалованной обезьянки, чем бизнес, от которого могло зависеть её будущее богатство или абсолютная нищета. Картинки также занимали большую часть её внимания. Мадам Л'Эйм часто прерывала поток своих детских сплетен, чтобы дать указания горничной, как разместить на листе картинки.

- Моя дорогая мадам, - серьёзно сказала миссис Уорнер, завершив заявление, которое показалось бы интересным любому, кроме человека, которого это касалось главным образом. - Сейчас самое время для вас принять решительное участие. Ваши враги могущественны и активны, а ваши притязания сомнительны...

- Ну разве он не выглядит забавно? - воскликнула мадам Л'Эйм. Она повязала газовый шарф на голову своего любимца и смеялась над его попытками освободиться от вуали.

- Знаете, сейчас не время для шуток, - сказала посетительница, - когда так много поставлено на карту; мне сообщили, что...

- Мейбл, Мейбл! - крикнула леди своей служанке, - помести эти танцующие фигуры поближе вперёд! — Туда! И разноцветные цветы, чтобы образовать вокруг них красивую кайму! - Она встала со своего места, чтобы показать точное место на листе бумаги, которое она хотела украсить картинками.

Обычно безмятежное лицо миссис Уорнер выражало признаки нетерпения и раздражения. Однако, прежде чем леди вернулась на своё место они совершенно исчезли.

- Я должна просить вас уделить мне полчаса вашего серьёзного, безраздельного внимания, - сказала гостя. - Я специально прошла большое расстояние, чтобы вы знали всю степень зла, которое вам угрожает.

Глаза мадам Л'Эйм с любопытством блуждали по платью Джесси, её шляпке, браслетам и оборкам. При первой паузе в обращении посетительницы она спросила: - Скажите на милость, кто ваша модистка, моя дорогая?

Миссис Уорнер поднялась в отчаянии. Она потеряла всякую надежду занять разум своей слабой и легкомысленной знакомой чем-либо, кроме повседневных мелочей. Она покинула дом, но не раньше, чем мадам Л'Эйм подробно рассказала ей все мелкие сплетни про соседей. Ещё она спросила её мнение по различным важным вопросам, таким как размер перчатки и оттенок ленты.

- Мама! - произнесла Джесси, когда они вышли на свежий воздух, радуясь возможности сбежать от такого скучного общества. - Кто бы мог подумать, что мадам Л'Эйм - владелица такого прекрасного поместья! Она же не в своём уме!

- Боюсь, у неё слабый интеллект.

- Слабый? — Мама, я не верю, что у неё вообще есть какой-либо интеллект! Она больше думала о своей обезьяне, чем обо всём великолепном богатстве, о котором ты ей говорила. Я думаю, что она больше беспокоилась бы о потере нескольких своих жалких бусин и картинок, чем о потере королевства, если бы оно у неё было. Я никогда не видела никого более глупого!

- Ах, дитя моё, - тихо сказала миссис Уорнер, - давай позаботимся о том, чтобы мы сами не попали в ещё большую и более роковую глупость. Печально видеть, когда

обращают внимание только на внешний вид, и пренебрегают развитием ума. Но насколько печальнее видеть душу - недостойную хозяйку прекрасного особняка. Сама по себе она некрасивая и чахлая, но посвящает себя мелочам, недостойным её внимания, в то время как её высшие интересы забыты! Разве мы никогда не встречали человека, которому самый важный из всех предметов казался скучным и неинтересным? Кто больше заботился о сиюминутном развлечении, чем о счастье грядущих веков? Кого серьёзный разговор утомлял, хотя он касался будущей короны, которая будет унаследована или потеряна. Кто предпочёл бы слушать любую историю о праздных сплетнях, чем сообщение радостной вести с небес?

Джесси шла домой молчаливая и задумчивая. Впервые в жизни она думала не столько о “земной хижине”, которую ей так нравилось украшать, сколько о её обитателе, о бессмертной душе.

Прошло много лет, прежде чем у Джесси появилась возможность снова посетить прекрасное поместье, окружённое деревьями. Оно выглядело по-другому, потому что была зима. На прелестных вьющихся растениях не было ни цветов, ни листьев. Позолоченный шпиль часовой башни был снесён штормом. Но часы были давно отремонтированы и показывали точное время. Они отбивали каждый час своим серебристым звоном, как храбрый воин на ежедневном дежурстве. В опрятных и хорошо обставленных комнатах весело пылали камины.

Их бывшая обительница много лет назад умерла в нищете. Память о ней почти стёрлась. Теперь в прекрасном доме жила счастливая, дружная семья. Там слышался звонкий, приятный для слуха детский смех. Но ещё приятнее был звук гимна, который возносился утром и вечером из счастливой обители, Тому, от Кого исходят все благословения!

Когда Джесси вновь посетила дом, он сильно изменился, но сама Джесси изменилась больше, чем дом. Хорошенькое дитя, как это часто бывает, не выросло в красивую женщину. Болезнь, время и заботы лишили её всех следов привлекательности. Округлые щёки стали впалыми, розовый цвет поблёк, сверкающие глаза потеряли всю свою яркость! И всё же Джесси стала гораздо приятнее как собеседник и гораздо ценнее как друг. Её больше любят в семье, она сама по себе более счастлива, чем когда была красивой и молодой. Нежный, жизнерадостный, любящий дух обитает в выцветшей внешности и проливает свет на простые черты, делая их более чем прекрасными. Красота, которая увядает подобно цветку, заменяется красотой святости, которая никогда не увядает, которая никогда не умирает, но находит своё совершенство на небесах! «Миловидность обманчива и красота суетна; но жена, боящаяся Господа, достойна хвалы».

Перевод с английского Галина Гура

Послушать или скачать рассказ на приложении «Капли Сота»